
**Алексей Алексеевич Ухтомский
и традиции отечественной философии и науки.
К 150-летию мыслителя (материалы «круглого стола»)***

© 2025 г. **Б.И. Пружинин^{1**}, К.В. Анохин^{2***}, А.Г. Гачева^{3****}, А.А. Гусейнов^{4*****},
Е.Ю. Кнорре^{5*****}, А.Д. Король^{6*****}, Д.С. Московская^{7*****}, Е.И. Плотникова^{8*****},
А.Е. Рыбас^{9*****}, А.Ю. Севальников^{10*****}, Л.В. Соколова^{11*****},
В.В. Толченникова^{12*****}, Е.А. Федорова^{13*****}, М.Л. Федоров^{14*****},
Т.В. Черниговская^{15*****}, И.О. Щедрина^{16*****}, Т.Г. Щедрина^{17*****}**

^{1, 4, 10, 17} *Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

² *Институт перспективных исследований мозга, Москва, 119192, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 1.*

³ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, 121069, ул. Поварская, д. 25а;
Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, 125009, Газетный пер.,
д. 3-5, стр. 1; Библиотека № 180 им. Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО г. Москвы,
Москва, 117485, ул. Профсоюзная, д. 92.*

⁵ *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, 121069, ул. Поварская, д. 25а;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.*

⁶ *Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь, Минск, 220030, просп. Независимости, д. 4.*

^{7, 14} *Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, 121069, ул. Поварская, д. 25а.*

⁸ *Мемориальный дом-музей академика А.А. Ухтомского, Рыбинск, 152905, ул. Ухтомского, д. 45.*

^{9, 11} *Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7-9.*

¹² *Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, 117198,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6; МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119234, Ленинские горы, д. 1, стр. 12.*

¹³ *Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Ярославль, 150003, ул. Советская, д. 14.*

¹⁵ *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034,
Университетская наб., д. 7-9; Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой, Санкт-Петербург,
197376, ул. Академика Павлова, д. 12а.*

¹⁶ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4.*

^{**} *E-mail: prubor@mail.ru*

^{***} *E-mail: k.anokhin@gmail.com*

^{****} *E-mail: a-gacheva@yandex.ru*

^{*****} *E-mail: guseynovck@mail.ru*

^{*****} *E-mail: Lena12pk@yandex.ru*

^{*****} *E-mail: korol_ad@bsu.by*

^{*****} *E-mail: d.moskovskaya@bk.ru*

* Исследование И.О. Щедриной осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Работа Т.В. Черниговской выполнена при поддержке СПбГУ, проект № 124032900009-2.

***** E-mail: katvasrak@rambler.ru
***** E-mail: a.rybas@spbu.ru
***** E-mail: sevalnicov@rambler.ru
***** E-mail: lvsokolova2001@mail.ru
***** E-mail: tolchennikova_vv@pfur.ru
***** E-mail: sole11@yandex.ru
***** E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru
***** E-mail: t.chernigovskaya@spbu.ru
***** E-mail: echiscar@yandex.ru
***** E-mail: tannirra@mail.ru

Поступила 15.03.2025

В июне 2025 г. исполняется 150 лет со дня рождения русского ученого и философа, академика Академии наук СССР князя Алексея Алексеевича Ухтомского. Его фундаментальные исследования в области физиологии хорошо известны в научном мире, а философские размышления открылись сравнительно недавно. Идеи, содержащиеся в его трудах и эгодокументах: дневниках и письмах – позволяют сегодня поставить вопрос о его целостной, междисциплинарной философской концепции, включающей в себя исследования в области естествознания, культурно-исторические труды, и духовную литературу. К юбилею мыслителя «Вопросы философии» совместно с Мемориальный домом-музеем академика А.А. Ухтомского провели «круглый стол», в ходе которого обсуждались следующие темы: философский смысл духовности у Ухтомского: мир как духовный организм; свобода как преодоление избыточности ее степеней (идеи Ухтомского в пространстве этики); концепция «функциональных органов» у Ухтомского (физиологические, психологические и культурно-исторические аспекты); духовность и постижение мира: конструируем или открываем; идея общения у Ухтомского и его сфера разговора; трактовка нравственной нормы в контексте концепции «интуиции совести»; «хронотоп» в концепции Ухтомского и современные проблемы междисциплинарных исследований. Участники «круглого стола» – физиологи, психологи, педагоги, филологи, философы – подчеркнули актуальность интеллектуального наследия Ухтомского для осмысления современных проблем философии и науки и обратили особое внимание на его «архив эпохи».

Ключевые слова: А.А. Ухтомский, доминанта, хронотоп, физиология, человек, этика, междисциплинарность, русская философия.

DOI: 10.21146/0042-8744-2025-6-5-53

Цитирование: Пружинин Б.И., Анохин К.В., Гачева А.Г., Гусейнов А.А., Кнорре Е.Ю., Король А.Д., Московская Д.С., Плотникова Е.И., Рыбас А.Е., Севальников А.Ю., Соколова Л.В., Толченникова В.В., Федорова Е.А., Федоров М.Л., Черниговская Т.В., Щедрина И.О., Щедрина Т.Г. Алексей Алексеевич Ухтомский и традиции отечественной философии и науки. К 150-летию мыслителя (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2025. № 6. С. 5–53.

**Alexey Alekseyevich Ukhtomsky
and the Traditions of Russian Philosophy and Science.
For the 150th Anniversary of the Thinker
(Materials of “Round Table”)***

© 2025 Boris I. Pruzhinin^{1**}, Konstantin V. Anokhin^{2***}, Anastasia G. Gacheva^{3****},
Abdusalam A. Guseynov^{4*****}, Elena Yu. Knorre^{5*****}, Andrei D. Korol^{6*****},
Daria S. Moskovskaya^{7*****}, Ekaterina I. Plotnikova^{8*****}, Aleksandr E. Rybas^{9*****},
Andrei Yu. Seval'nilov^{10*****}, Lyudmila V. Sokolova^{11*****},
Vera V. Tolchennikova^{12*****}, Elena A. Fedorova^{13*****},
Maxim L. Fedorov^{14*****}, Tatiana V. Chernigovskaya^{15*****},
Irina O. Shchedrina^{16*****}, Tatiana G. Shchedrina^{17*****}

^{1, 4, 10, 17} *Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

² *Institute for Advanced Brain Studies,
27/1, Lomonosovsky av., Moscow, 119192, Russian Federation.*

³ *Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya str., Moscow,
121069, Russian Federation; Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, 3-5, build. 1,
Gazetny lane, Moscow, 125009, Russian Federation; Fedorov's Library No. 180 of the Association
of Cultural Centers of the South-Western Administrative District of Moscow, 92, Profsoyuznaya str.,
Moscow, 117485, Russian Federation.*

⁵ *Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a, Povarskaya str., Moscow,
121069, Russian Federation; Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities,
23b, Novokuzneckaja str., Moscow, 115184, Russian Federation.*

⁶ *Belarusian State University, 4, Nezavisimosti av., Minsk, 220030, Republic of Belarus.*

^{7, 14} *Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation.*

⁸ *Memorial House-Museum of Academician A.A. Ukhtomsky,
45, Ukhtomsky str., Rybinsk, 152905, Russian Federation.*

^{9, 11} *Saint Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.*

¹² *People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6, Miklukho-Maklaya str.,
Moscow, 117198, Russian Federation; Lomonosov Moscow State University, 1/12, Leninskie Gory,
Moscow, 119234, Russian Federation.*

¹³ *P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.*

¹⁵ *N.P. Bechtereva Institute of the Human Brain Russian Academy of Sciences, 9, Academica Pavlova str.,
Saint Petersburg, 197376, Russian Federation; Saint Petersburg State University,
7-9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.*

¹⁶ *HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.*

^{**} *E-mail: prubor@mail.ru*

^{***} *E-mail: k.anokhin@gmail.com*

^{****} *E-mail: a-gacheva@yandex.ru*

* Work of I.O. Shchedrina is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The work of Tatiana V. Chernigovskaya was sponsored by Saint Petersburg State University, research project No. 124032900009-2.

***** E-mail: guseynovck@mail.ru
***** E-mail: Lena12pk@yandex.ru
***** E-mail: korol_ad@bsu.by
***** E-mail: d.moskovskaya@bk.ru
***** E-mail: katvasrak@rambler.ru
***** E-mail: a.rybas@spbu.ru
***** E-mail: sevalnicov@rambler.ru
***** E-mail: lvsokolova2001@mail.ru
***** E-mail: tolchennikova_vv@pfur.ru
***** E-mail: sole11@yandex.ru
***** E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru
***** E-mail: t.chernigovskaya@spbu.ru
***** E-mail: echiscar@yandex.ru
***** E-mail: tannirra@mail.ru

Received 15.03.2025

In June 2025, the 150th anniversary of the birth of the Russian scientist and philosopher, academician of the USSR Academy of Sciences, Prince Alexey Alexeyevich Ukhtomsky, will be celebrated. His fundamental research in physiology is well known in the scientific community, while his philosophical reflections have come to light relatively recently. The ideas contained in his works and ego-documents – diaries and letters – allow us today to raise the question of his holistic, interdisciplinary philosophical concept, encompassing studies in the natural sciences, cultural and historical research, and spiritual literature. To mark the philosopher’s anniversary, *Voprosy Filosofii*, in collaboration with the Memorial House-Museum of Academician A.A. Ukhtomsky, organized a round table to discuss the following topics: The philosophical meaning of spirituality in Ukhtomsky’s works: the world as a spiritual organism; Freedom as the overcoming of its excessive degrees (Ukhtomsky’s ideas in the field of ethics); Ukhtomsky’s concept of “functional organs” (physiological, psychological, and cultural-historical aspects); Spirituality and the comprehension of the world: are we constructing or discovering it? Ukhtomsky’s idea of communication and his sphere of conversation; The interpretation of moral norm within the framework of the concept of “conscience intuition”; The “chronotope” in Ukhtomsky’s concept and contemporary issues in interdisciplinary research. The round table participants – physiologists, psychologists, educators, philologists, and philosophers – emphasized the relevance of Ukhtomsky’s intellectual heritage for understanding contemporary issues in philosophy and science, paying particular attention to his “archive of an epoch”.

Keywords: A.A. Ukhtomsky, dominant, chronotope, physiology, human, ethics, interdisciplinarity, Russian philosophy.

DOI: 10.21146/0042-8744-2025-6-5-53

Citation: Pruzhinin, Boris I., Anokhin, Konstantin V., Gacheva, Anastasia G., Guseynov, Abdusalam A., Knorre, Elena Yu., Korol, Andrei D., Moskovskaya, Daria S., Plotnikova, Ekaterina I., Rybas, Aleksandr E., Seval’nikov, Andrey Yu., Sokolova, Lyudmila V., Tolchennikova, Vera V., Fedorova, Elena A., Fedorov, Maxim L., Chernigovskaya, Tatiana V., Shchedrina, Irina O., Shchedrina, Tatiana G. (2025) ‘Alexey Alekseyevich Ukhtomsky and the Traditions of Russian Philosophy and Science. For the 150th Anniversary of the Thinker (Materials of “Round Table”)’, *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2025), pp. 5–53.

Люди не столько велики тем, что «передельвают мир», сколько тем, что открывают новые области истины, в мире до сих пор не известные!

А.А. Ухтомский

Пружинин: Уважаемые коллеги, открываем наш «круглый стол». И сразу несколько слов по его организации. «Круглые столы» – традиция «Вопросов философии». Их цели и структурные особенности проведения иные, нежели в рамках привычных научных мероприятий – конференций, панельных дискуссий и пр., – где в рамках предложенной темы участники сообщают о результатах своих исследований. «Круглый стол» – это разговор, цель которого – выявление актуальной проблематики и, соответственно, дальнейших исследовательских перспектив, которые волнуют всех занимающихся данной темой. Один поясняющий пример из нашего опыта проведения «круглых столов». Мы предложили темы для обсуждения. Но не о них пошел разговор. Участники обратились к совсем другим аспектам проблематики, перспективы исследования которых их реально волновали. Целью нашего «круглого стола» также является выделение наиболее актуальной тематики, связанной с наследием известного русского ученого Алексея Алексеевича Ухтомского. И эта ориентация, на наш взгляд, сама собой приведет разговор к философским сюжетам в его творчестве.

Теперь я передаю слово Татьяне Геннадьевне Щедриной, она будет у нас, как сейчас говорят, модератором «круглого стола».

Щедрина: Дорогие коллеги, большое спасибо за ваше согласие участвовать в этом научном мероприятии. Давайте предоставим возможность начать наш «круглый стол» Константину Владимировичу Анохину – он выскажет свое мнение об актуальности одной из концептуально значимых и для физиологии, и для философии идеи Алексея Алексеевича Ухтомского.

Я думаю, что именно, так сказать, физиологическое начало этого философского «круглого стола» для нас очень важно. Все-таки Алексей Алексеевич был физиологом. И к тому же вы, насколько я знаю, акцентируете внимание на его последней работе, которая, на мой взгляд, содержит внутренние весьма философичные и методологически важные идеи, которые можно потом развернуть и в философском, и в научном ракурсах. Если Вы не против, Константин Владимирович, начните, пожалуйста.

Анохин: Большое спасибо. Я не являюсь специалистом в области творчества Алексея Алексеевича, и целью моего участия было прежде всего послушать тех, кто работает с наследием, архивами, трудами этого великого ученого. Мои познания в этой области гораздо более скромные, и поэтому я обратился к единственной, но в определенном смысле символической работе Алексея Алексеевича – его тезисам для научной сессии, посвященной памяти Ивана Петровича Павлова. Сама эта сессия состоялась 27–28 сентября 1942 г., уже после кончины Алексея Алексеевича, но его тезисы были опубликованы. Передо мной лежит книжка трудов этой сессии, опубликованная ленинградским филиалом ВИЭМа в сентябре 1942 г. Поразительный документ – шла война, и тем не менее работа ученых в блокадном Ленинграде, издание научных трудов не прерывались.

Почему именно эта работа Алексея Алексеевича привлекла мое внимание для нашего «круглого стола»? Во-первых, потому что в ней Алексей Алексеевич обращается к переосмыслению учения Павлова об условных рефлексах, той концепции, которая в значительной степени определила в юности его желание двигаться в сторону физиологии. Он начинает эти тезисы со слов «Великое учение Павлова об условных рефлексах». И дальше он развивает, на мой взгляд, очень важную и оригинальную линию о том, что нередко это учение излагается так, что условные рефлексы кортикальной природы противопоставляются врожденным рефлексам, и поэтому их следует различать

и исследовать отдельно. Алексей Алексеевич последовательно разбирает, что хотя такое качественное различие должно быть признано, но в диалектическом рассмотрении этого вопроса всё может быть не так. Он пишет, что в нисходящем ряду учение Павлова об условных рефлексах заставляет пересмотреть классическое понятие простого местного рефлекса и простой рефлекторной дуги – то есть врожденных рефлексов. В них, в процессе их онто- и филогенетического образования следует усматривать и элементы рефлекса условного, поскольку и эти виды так называемых врожденных рефлексов в раннем онтогенезе, в развитии организма, находились в процессе выработки. То есть в этом раннем развитии шло формирование связей между физиологическими элементами, образующими целостные интегральные ответы нервной системы. Это формирование осуществлялось по принципу временных связей, то есть совпадения активности этих элементов во времени.

Это первая очень важная часть тезисов. Почему я как специалист в области физиологии нервной системы обращаю на это внимание? На протяжении более 20 лет я руководил в Институте нормальной физиологии Отделом системогенеза, целью которого было исследование формирования врожденных и приобретенных видов деятельности на границе вокруг момента рождения – между окончанием эмбрионального развития и началом поведения. В наших экспериментах мы показывали, что даже пренатально, до рождения, у животных можно выработать условные рефлексы, например у мышат – на определенные запахи, которые воспринимает их мать во время еды. Далее, мышата будут реагировать на эти запахи, как если бы это поведение было врожденным.

То есть идея о том, что так называемые врожденные безусловные рефлексы генетически полностью predeterminedены, не выдерживает экспериментальной проверки и в физиологическом рассмотрении заставляет придерживаться взглядов, которые высказывал Алексей Алексеевич.

Я должен здесь заметить также, что эти же представления развивал Петр Кузьмич Анохин, опубликовав в 1935 г. «онтогенетическую теорию рефлексов». У Петра Кузьмича была дружба и переписка с Алексеем Алексеевичем, и в одном из писем в 1930-е гг. Алексей Алексеевич писал Петру Кузьмичу, что эта идея ему также очень близка. И он ее сформулировал в этой своей предсмертной работе в виде положения о нисходящем ряду рефлексов.

Это первый принципиальный пункт в данной работе Ухотмского, и он, мне кажется, имеет фундаментальное значение для понимания физиологических основ высшей нервной деятельности.

Однако в данных тезисах Алексея Алексеевича был и второй пункт, посвященный вопросу, волновавшему многих представителей физиологии высшей нервной деятельности. В их числе были и Иван Петрович Павлов, и Леон Абгарович Орбели – в 1920-е гг., и Петр Кузьмич Анохин – в 1930-е гг. Это был вопрос о том, как формируются в эволюции безусловные рефлексы, особенно сложные безусловные рефлексы, то есть врожденные виды деятельности.

И вот идея, которую высказывает Алексей Алексеевич в этой работе, что помимо «нисходящего ряда», при котором в онтогенезе безусловные рефлексы формируются так же, как и условные, – то есть по принципу временных связей, совпадений во времени, работающих вместе элементов интеграции, – существует еще и «восходящий ряд». Об этом Алексей Алексеевич пишет в выделенных курсивом последних строках этой работы: «В этом смысле простой рефлекс классической физиологии оказывается не исходным и принципиально общим типом рефлекторной активности центров, над которым специализируется особая область рефлексов условных, но, наоборот, частным, специальным и поздним продуктом редукции и упрощения рефлекса условного, который становится отныне более общим типом деятельности центрального нервного аппарата» [Ухотмский 1942].

Иными словами, суть этой идеи, бродившей в умах ученых, имена которых я упомянул, состоит в следующем. В эволюции то, что мы видим как сложные формы

безусловной рефлекторной деятельности, исходно были условно-рефлекторной деятельностью. Павлов при этом думал, что это ламарковский механизм, то есть происходит наследование приобретенных в индивидуальном опыте условных рефлексов. Но позже вынужден был написать опровержение на этот счет, и поиски продолжились. Иван Иванович Шмальгаузен в 1939 г. опубликовал фундаментальную монографию «Пути и закономерности эволюционного процесса», в которой предложил концепцию стабилизирующего отбора – процесса, при котором индивидуальные адаптации постепенно замещаются генетическими факторами развития, и это длительный эволюционный процесс. Идея Алексея Алексеевича совпадает с этим принципом приобретения новых видов деятельности в ходе индивидуальных адаптаций, переводимых стабилизирующим отбором при повторении на протяжении многих поколений постоянно действующих факторов среды в частично врожденные или полностью врожденные виды деятельности.

В целом, завершая свой рассказ и свое понимание этой работы Алексея Алексеевича, я берусь утверждать, что она имеет принципиальное и универсальное значение для понимания всей системы врожденных и приобретенных видов деятельности. В ней выразилось, мне кажется, стремление Алексея Алексеевича к выработке целостных системных концепций, которые охватывают единым пониманием весь мир сложных явлений деятельности нервной системы. Спасибо.

Щедрина: Спасибо, Константин Владимирович. Пожалуйста, вопросы, коллеги.

Толченникова: Дорогие коллеги, я ученица Константина Владимировича Анохина. Вы меня не помните, Константин Владимирович, но на первом курсе во время практики на Звенигородской биологической станции Вы каждый вечер устраивали для студентов-первокурсников лекции по нейробиологии, приглашали докладчиков и сотрудников лаборатории, а после лекции кормили нас баранками, печеньем и поили чаем из настоящего самовара. Вы привили нам интерес к нейронаукам, мы выросли, большинство из нас стали физиологами и нейробиологами.

Меня тоже поразила мысль А.А. Ухтомского о том, что условный рефлекс в эволюции предшествовал появлению безусловного. Эта мысль перекликается с работами А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена, но несколько противоречит представлениям Л.Г. Воронина. Мы каждый год разбираем со студентами кафедры высшей нервной деятельности работы А.А. Ухтомского, и обычно группа студентов делится пополам: одни принимают Ухтомского и восхищаются его идеями, другие же студенты не принимают и критикуют их с позиций сложившихся научных школ. Принцип доминанты А.А. Ухтомского позволяет перейти от взаимно-однозначного соответствия между входом и выходом (афферентная и эфферентная части дуги), от механодетерминистической предопределенности к нелинейности, неоднозначности, которая зависит от внутреннего состояния, целостности и системности.

Анохин: Спасибо большое за добрые слова. Если можно, в связи со сказанным, я поделюсь одним наблюдением. Я помню различные научные дискуссии, которые шли вокруг представлений Алексея Алексеевича о доминанте, о хронотопе. И всегда были сторонники и скептики, что, на мой взгляд, характеризует неординарную, выходящую из шаблонных представлений личность ученого и его идеи.

Щедрина: Спасибо, Константин Владимирович, спасибо, Вера Владимировна. Пожалуйста, еще вопросы Константину Владимировичу и реплики.

Константин Владимирович, скажите, пожалуйста, Вы думаете, что диалектические процессы, которые зафиксировал или которые увидел Алексей Алексеевич в этих исследованиях условных и безусловных рефлексов, они распространяются, то есть они могут быть сопоставлены с какими-либо другими сферами научной деятельности? Ну, если это можно предположить, или это специфическое явление конкретно физиологического плана?

Анохин: Я бы сказал, что это явление и физиологического, и эволюционного плана. И возможно, по своему характеру оно касается и эволюции очень сложных форм деятельности человека, связанных с его спецификой и уникальностью, его социальной природой.

Так, например, одно из обсуждений, которое активно ведется в последние 20 лет при изучении языка, состоит в том, что в эволюции он, возможно, формировался благодаря таким же процессам стабилизирующего отбора или генетической ассимиляции (другой термин, параллельно введенный для этого процесса Конрадом Уоддингтоном). Язык, согласно этой гипотезе, складывался в сообществах взрослых людей, использующих его для коммуникации, и на протяжении ряда поколений его фрагменты постепенно генетически ассимилировались, усваивались стабилизирующим отбором в виде предпосылок развития нервной системы, системы, позволяющей младенцу усваивать некоторые универсальные принципы этих коммуналектов. Удивительная вещь! Если это так, то такие сложные виды деятельности могут генетически ассимилироваться за очень короткие в эволюционном плане исторические периоды. Это противоречит классическим эволюционным взглядам на динамику развития сложных фенотипов и сложных морфологических признаков, и здесь большая область для исследований. То же касается и различных социальных видов деятельности, которые тоже в значительной степени имеют врожденные предпосылки, не полностью врожденные, а частично ассимилированные, частично погруженные стабилизирующим отбором в развитие ребенка. Я думаю, что область этих процессов весьма широка, однако все равно она идет от универсальных законов биологии и физиологии.

Щедрина: Спасибо, Константин Владимирович. Если вопросов больше нет...

Плотникова: Пожалуй, есть проблемный вопрос. «Мемориальный дом-музей академика Алексея Алексеевича Ухтомского» – это единственный музей в России, цель которого прежде всего увековечить память великого ученого. За 35 лет у нас побывало много посетителей, представляющих разные отрасли знания, – это и медики, и психологи, и педагоги.

К сожалению, мало молодых ученых и исследователей, занимающихся именно физиологией, интересуются идеями Ухтомского. Мне кажется, что в Ярославской области большой интерес привлекает гуманитарное и эпистолярное наследие ученого. С чем это связано? Почему сегодня (в отличие от 1990–2000-х гг.) так мало исследовательских работ по физиологии, связанных с осмыслением принципа доминанты?

Анохин: Тут я бы сказал две вещи. Прежде всего, в Ярославле существуют активные работающие научные коллективы, например в Ярославском государственном медицинском университете, которые занимаются современными экспериментальными исследованиями центральной нервной системы и, более того, проводят регулярные конференции в области нейронаук. Так что с этим все в порядке.

Теперь в отношении научного наследия Алексея Алексеевича. На мой взгляд, это касается не только Алексея Алексеевича, а это наша общая проблема: растворение и постепенное исчезновение исследований в традициях того, что всегда характеризовало особенности российской науки – научных школ. В связи с этим вы можете называть и другие имена, кроме Алексея Алексеевича, – Павлова, Бехтерева, Введенского, Бернштейна, Анохина и т.д. Почему это происходит? По-видимому, две вещи. Первая. Становится меньше ученых, занимающихся этими вопросами. Изучение нервной системы и высшей нервной деятельности в советские времена охватывало огромное количество лабораторий. Существовали крупные научные программы, в том числе международные (например, программа «Интермозг», которая объединяла эти исследования в социалистических странах). Сейчас все обстоит гораздо скромнее. Это раз. Вторая причина, на мой взгляд, сопровождающая общее уменьшение количества исследований, – это ориентация их на прагматические, прикладные, а не фундаментальные вопросы с адресацией прежде всего к зарубежным работам в стремлении выполнять требования публикации в определенного рода журналах. Не особенно вы опубликуете в международном журнале Q1 работу, которая развивает представления Алексея Алексеевича Ухтомского. Это беда, на мой взгляд. Если мы сокращаем количество научных исследований в этой области, то и сила идей научных школ сокращается, как шагреновая кожа.

Пружинин: Короткая реплика. Мы тоже наблюдаем такие процессы, о которых идет речь. Именно по этой причине задумана нами и поддержана Институтом философии РАН книжная серия «Философия России XIX века», в рамках которой мы возвращаемся и к идеям отечественных естествоиспытателей (в том числе и физиологов). Анализ их размышлений восстанавливает преемственность традиции отечественной философской и научной мысли, что позволяет увидеть новые, весьма актуальные перспективы в исследовании острых нынешних проблем. Мы будем издавать тома, посвященные идеям Страхова, Велланского, Пирогова и многих других. Так, Татьяна Геннадьевна?

Щедрина: Да, конечно, мы собираемся возвращаться к наследию отечественных ученых, потому что это прежде всего необходимое условие актуализации их идей, развитие русского научного языка и продолжение традиции, ведущей к созданию научных школ. Это также важно для осмысления историко-культурной преемственности и понимания связи естествознания и философии. В рамках серии мы возвращаемся к фундаментальным проблемам, которые сегодня на фоне прикладных разработок забываются или отодвигаются на второй план.

Анохин: Борис Исаевич, я по своей природе романтик, но при этом жизнь заставляет быть и прагматиком. Поэтому в отношении этой серии я задумался бы над вопросом или даже над опросом молодых ученых, для которых, вы говорите, это возобновление интереса. Каков процент молодых ученых, которые читали эти уже выпущенные тома? Кто из молодежи реально будет читателем этого? Будут ли молодые ученые, от которых требуются сегодня публикации в высокорейтинговых журналах, сами спонтанно искать, находить и читать эти труды отечественных ученых?

Щедрина: Позволю себе ответить на Ваш вопрос, поскольку мы работаем вместе с Борисом Исаевичем. Вы знаете, Константин Владимирович, мы все-таки более оптимистичны. Во-первых, я считаю что, несмотря на социальное внешнее давление, развитие внутреннего интереса во многом зависит от наставничества, то есть от того, о чем мы будем говорить с молодыми учеными. И если мы будем с ними говорить о нашей традиции и актуализировать нашу традицию, это во многом будет влиять на них. Кроме того, ведь большинство физиологических философичных работ было напечатано или опубликовано в определенное время, в 1950-е, 1960-е гг., когда предисловия к ним писали люди, мыслявшие в определенной – идеологической – парадигме. Наша задача, как я ее вижу сегодня, переосмыслить идеи отечественных ученых, вернуться к их работам, заново их прокомментировать с точки зрения современных процессов, идущих в интеллектуальном мире. Ведь возвращение к нашей собственной истории естествознания – это, строго говоря, одна из важнейших фундаментальных задач современной философии естествознания, которая может по-новому представить и актуализировать и того же Ивана Михайловича Сеченова, и того же Николая Николаевича Страхова, и Даниила Михайловича Велланского, и многих других. Думаю, что наш сегодняшний разговор – это одна из первых ласточек. Мы задумали серию комментированных трудов «Философия естествознания в России» в Институте философии РАН. В этой серии мы будем выпускать работы Страхова, Жинкина и многих других ученых, в трудах которых мы обнаруживаем потенциал целостной, органической философии. Уверена, что архивное наследие Ухтомского займет в этой серии достойное место. Очень многое сегодня зависит от нас, Константин Владимирович.

Анохин: Я целиком с вами, я подписываюсь под всем этим.

Щедрина: Будем работать, мы проводили анкетирование с молодыми учеными-естествоиспытателями. Мы хотели посмотреть, как они относятся к своей научной работе, как они осуществляют разговор, если проводятся междисциплинарные исследования. Они живо откликнулись на наши анкеты и рассказали много интересного для нас – философов.

Давайте пойдем дальше. Кто хочет высказаться? Пожалуйста, Вера Владимировна.

Толченникова: Благодарю за возможность продолжить, поскольку вопрос несколько затронул мою работу на кафедре высшей нервной деятельности биологического

факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Вот уже пятнадцатый год я преподаю там курс «Основы высшей нервной деятельности». В его рамках студенты знакомятся с оригинальными трудами И.М. Сеченова, И.П. Павлова, Н.Е. Введенского (и его последователей, в том числе Феофана Крюкова), А.А. Ухтомского (и его предшественников), Ч.С. Шеррингтона. Это достаточно сложная работа для студента – знакомиться с оригинальными, неадаптированными трудами. Курс был разработан моим научным руководителем, доктором биологических наук Кириой Алексеевной Никольской.

Под ее руководством я выполнила диссертационное исследование, в котором мы обучали животных ориентироваться в сложном нелинейном лабиринте. Оказалось, что решение возможно только в некотором диапазоне пространственной сложности. Если сложность предложенной задачи слишком велика, животные отказывались решать задачу, при этом у них появлялись смещенные, стрессовые и невротические безусловные реакции, снижалась масса тела, увеличивалось количество кортикостерона в крови. Позже, в 2018 г., мы адаптировали подход Киры Алексеевны к исследованию интеллектуальных способностей человека в условиях виртуальной реальности, в том числе подтвердили выводы, связанные с последствиями информационной перегрузки.

Мы живем в эпоху ускорения информационных потоков, работаем в ситуации информационных перегрузок. С моей точки зрения, в работах Алексея Алексеевича Ухтомского содержится решение этой проблемы. Его учение о доминанте – спасение от информационных перегрузок. Почему? Принцип доминанты универсален, он может реализовываться как на уровне отдельных элементов нервной системы, так и на уровне всего организма. Если у организма нет доминанты, то мы наблюдаем однозначное соответствие между входами и выходами на рефлекторном аппарате. Ну, например, раздражение кожи определенного места вызывает моторную реакцию, удаление раздражителя, раздражение задней части языка вызывает глотательный рефлекс. Но как только мы формируем очаг повышенной возбудимости, то тогда принцип реакции организма изменится и вместо линейного однозначного соответствия между входом и выходом мы получим нелинейную систему. Если доминанта сформирована, она захватывает конечный путь. Это означает, что теперь стимулы, которые приводили к другим моторным реакциям, к другим ответам, будут усиливать текущую доминанту и будут выражаться в усилении ее моторного выхода. Если очаг доминанты сформирован, то доминанта способна таким образом суммировать посторонние побочные возбуждения. Доминанта обладает инерцией, то есть для того, чтобы какой-то очаг нервной системы стал доминантой, необходимо, чтобы он сохранял такое состояние в течение нескольких минут, часов, а возможно, даже дней.

Очень интересен вопрос о том, как возникает доминанта. Когда мы с Кириой Алексеевной формировали пищедобывательную доминанту у животных (от рыб до обезьян), то нам удалось подтвердить тезис о том, что существуют доминанты, более предуготовленные, но есть доминанты, которые требуют своего формирования: материнская, рабочая. На начальном этапе формирования доминанта является неустойчивой. Доминанта становится фильтром и защитой от лишних побочных отвлекающих стимулов, и если доминанты сформированы устойчиво, это означает, что те стимулы, которые мешали, теперь ее питают и усиливают, и таким образом огромный поток стимулов, который обладает разрушительным свойством для нервной системы, сбивает, мешает ориентироваться в сложном мире, превращается в то, что подпитывает текущую рабочую доминанту. Применительно к человеку это означает, что, во-первых, принцип доминанты должен быть достоянием очень широкого круга людей. Во-вторых, у каждого человека должна быть его доминанта, выходящая за пределы недели, года, лучше выходящая за пределы его жизни. В таком случае у него есть щит и фильтр от огромного количества стимулов, которые его отвлекают, мешают и даже во многом вредят. В настоящее время мы с коллегами занимаемся нейрокогнитивной коррекцией детей, перенесших нейроонкологические заболевания. Мы формируем у них доминанту на жизнь. Но это уже поздние этапы реабилитации, когда основная

беда миновала и необходимо вернуть ребенка в нормальную жизнь. И это наша цель, наша доминанта.

Щедрина: Спасибо, Вера Владимировна. Пожалуйста, вопросы.

Анохин: Можно я задам вопрос? Во-первых, я целиком подписываюсь под этой линией исследований. Наш внутренний профессиональный вопрос, мне любопытно просто: а как Вы соотносите эти представления Алексея Алексеевича с представлениями Ивана Петровича Павлова о динамическом стереотипе? Вы проводите демаркацию какую-то? Если да, в каких местах?

Толченникова: Здесь я транслирую позицию моего научного руководителя Кирры Алексеевны Никольской. С ее точки зрения, у животных могло быть только две доминанты – пищевая и половая, и мы вырабатывали пищевой условный рефлекс, пищедобывательную доминанту, а динамический стереотип мы демаркировали несоответствием поведенческого ответа физиологическому стимулу. Допустим, что есть какая-то последовательность стимулов, за которой следует поведенческий ответ. При многократном повторении мы можем наблюдать этот динамический стереотип, который выражается в том, что физически мы воздействуем одним стимулом, а получаем ответ как на другой стимул, который должен был соответствовать той самой уловленной последовательности. Но дело в том, что эффект от динамического стереотипа кратковременный, в то время как пищедобывательная доминанта, как только формируется, демонстрирует себя очень устойчивой. И потом мы проверяем, запускаем животных в состоянии сытости в тот же самый лабиринт: будут ли они добывать сыр, как голодные? Действуем всякими побочными отвлекающими стимулами, сажаем сэмку в лабиринт, меняем топологию пространства, ставим перегородки на пути к предпочитаемым подцелям, изменяем структуру задачи, например отмена подкрепления в других кормушках. Если это еще не доминанта, а просто потребность, которая еще не реализована в пищедобывательной доминанте, то мы будем наблюдать развал этой системы. Если доминанта сформировалась, то поведение будет устойчивым вопреки всему. И мы эти эксперименты ставили, я ставила на животных, а Кира Алексеевна помимо физиологических опытов на животных отслеживала формирование принципа доминанты у своих студентов. Я применила ее метод в своих исследованиях.

Пружинин: А на студентах, как это, интересно?

Толченникова: Я создала виртуальный аналог лабиринта Никольской, это просто компьютерная игра, но особенность ее в том, что ключевые элементы, которые нужны для решения задачи, не видны сразу, и скрытые правила необходимо распознать. То есть студент играет в компьютерную игру, ему нужно распознать пространство, выявить скрытые правила, и каждый отсек лабиринта содержит невидимый триггер для игрока, букву, и когда игрок его пересекает, то в файл записывается метка временная и пространственная, и по сути дела мы превращаем непрерывное поведение в дискретный текст, а потом применяем инструменты лингвистики, дискретной математики для того, чтобы расшифровать эту последовательность. Я могу выслать вам несколько ссылок, и вы сможете побывать в этом лабиринте или посмотреть, как ваши студенты будут с этим справляться.

Щедрина: Скажите, пожалуйста, Вера Владимировна, каким образом Ваши исследования в физиологической сфере переводятся затем в область работы с детьми? Как развивается их стрессоустойчивость? То есть как происходит перевод этой сложной физиологической системы в область естественного языка? Об одном способе Вы уже упомянули – это компьютерная игра. Есть ли еще какие-то варианты?

Толченникова: Тут, по сути, дела сразу несколько вопросов. Первый связан с тем, как мы осуществляем процесс реабилитации и как мы помогаем детям формировать доминанту их жизни, их собственный щит. Это сложно. И здесь я перейду с языка физиологического, на котором говорили мои учителя, на язык психологический, на котором я сейчас говорю с мамами, с коллегами-психологами и даже неврологами. Когда к нам попадает ребенок, то чаще всего с ним нужно проводить огромное количество

реабилитационных мероприятий, а делать он ничего не хочет. Там ритмические упражнения, аппаратный тренинг, моторный и графомоторный тренинг. И в этом случае мотивация внешняя, то есть ребенку за выполнение предлагаются звездочки-наклейки-камешки. И вот как только у ребенка происходит понимание того, что он может что-то изменить, например рука зашевелилась, то он начинает работать сам. Одна девочка, с которой я работаю, ей 12 лет, в прошлом была художественной гимнасткой. Но случилась медулобластома, тяжелый протокол лечения, и она не может ходить без поддержки. Ей не нужны никакие наклейки, никакие пятерки, никакая похвала, она просто повторяет и день и ночь «я хочу ходить, я хочу ходить» и делает трудные упражнения по три часа каждый день. Если вдруг я подхожу к ней ее ловить, а она заваливается назад, она меня отталкивает, как и маму свою отталкивает, и говорит: «я сама, я хочу ходить, я хочу ходить». Вот это уже ребенок, у которого есть доминанта, который хочет встать на ноги, как было до болезни, и вся ее деятельность освящена этим процессом. И хотя у нее есть гаджеты, и интернет, и братик, и возможность, как у других сверстников, сидеть в ютубе, ее доминанта «ходить». Но это не обязательно трагическая история. Доминантой жизни может быть интерес. Например, играть в компьютерные игры – это плохо, а вот делать компьютерные игры – это уже некоторая созидательная способность. И когда у ребенка возникает эта интенция и он начинает вокруг нее свою жизнь выстраивать, он становится более устойчивым по отношению к огромному количеству дистракторов.

Щедрина: Спасибо, Вера Владимировна. Пожалуйста, кто из философов хочет выступить? Из педагогов? Может быть, Андрею Дмитриевичу Королю дадим слово?

Король: Спасибо, Татьяна Геннадьевна. Уважаемые коллеги, очень интересный разговор. Слушая Вас, я искал ответ на вопрос: «Как найти те точки сопряжения, которые объединили бы разнополярное знание?». В проекции на образование ответ может быть дан в русле следующего квантово-механического вопроса: «Что надо дать, а что вырастить в ученике?». Хорошо изученная физиологическая теория стереотипа, которая противоречит теме творчества в известных пределах, проецируется на педагогическую плоскость, плоскость монолога. Но я бы хотел вначале остановиться на некоторых положениях Алексея Алексеевича Ухтомского в проекции на педагогическое знание – на том, что связано с тематикой сегодняшнего «круглого стола». Принцип доминанты с точки зрения физиологии понятен. Если мы говорим о междисциплинарной трактовке этого термина, то в педагогическом опыте он характеризует прежде всего бытие преподавателя в предмете, а не его роль коммуникатора, вещающего истину. Понятно, что образование может быть очень разным. Не случайно я вспомнил сейчас о двух фроммовских категориях – «Быть» и «Иметь». Они созвучны понятиям стереотипа и творчества, о которых я чуть раньше сказал.

Образование – это не отражающая социальный опыт всего человечества информация, которая передается от коммуникатора к реципиенту или от учителя к ученику, а нечто гораздо большее. Говоря словами советских психологов, знание интериоризируется, более того, оно как бы выращивается изнутри. Передача информации – это монолог, субъект-объектность, обучение разных учеников одинаково. Сегодня мы слышали понятие «входа и выхода». И, казалось бы, образование как гуманитарная сфера также отвечает хорошо известной системе стимул – реакция. В монологичном массовом образовании, которое обучает разных детей одинаково, сигнал на входе должен быть усвоен и передан на выходе. Это категория «Иметь». На выходе мы получаем ученика копирующего. Монологизм препятствует самопознанию, потому что мы можем познать себя настолько, насколько мы понимаем, кем мы не являемся, а для этого нужен Другой. Если же этого Другого нет или этот Другой замещается искусственным интеллектом, то тогда начинаются агрессия, насилие, потеря смыслов в жизни.

Естественно, открыть себя невозможно в одиночку, нужен Другой. Бытие человека – это бытие с другими. Поэтому диалогичность – это основная канва философско-педагогических изысканий Ухтомского. В частности, у него есть замечательная мысль

о том, что студенты, если им будут просто транслировать сумму наук, встанут и уйдут из студенческой аудитории. А, например, в дидактической эвристике открыть себя – значит вселиться в окружающий мир, образование – это процесс образовывания.

Заявленный Алексеем Алексеевичем принцип доминанты в проекции на педагогическую область продолжается в учении о хронотопе, суть которого в том, что знание не может быть разделено на разделы и части, знание – это всегда знание целого. Целостная истина может быть усвоена только целостным человеком, как гласит известное высказывание. Поэтому применительно к его терминологии сегодня мы имеем педагогическое понятие метапредметности. «Мета» – стоящее у основания, рядом. Например, «движение» – метапредмет. Оно изучается во всех науках, но по-своему. В метапредметности заключен принцип диалога, когда у ученика есть возможность открыть себя и через познание себя познать окружающий мир. Это нечто большее, чем сумма наук. Это то, что позволяет сформулировать вопросы: «Кто я есть в этом мире? Зачем я есть?». Это смысловые вопросы, которые приводят к пониманию своей жизненной миссии, предназначенности и к выстраиванию своей траектории.

Хотел бы еще остановиться на термине Алексея Алексеевича, который имеет отношение и к ремеслу педагогики, – «нравственный дальтонизм». По сути дела, это превращение цельного в частное, то, чем славится постмодерн, и то, что, например, приводит к способу формирования личности как некой штамповки. В этой связи мне всегда вспоминаются слова Владимира Петровича Зинченко, который говорил, что личность – это наличность того, кто ее сформировал. Такой подход говорит о некой аберрации или о дальтонизме социального зрения. Аберрация, или расширенные потребности, в конечном итоге сводится к превращению человека в состоянии атома – одинакового и одинокого. Хотя как физик, конечно, не могу согласиться – не бывает одинаковых элементарных частиц с набором одинаковых четырех квантовых чисел. Человек все больше и больше атомизируется, дистанцируется от других людей, хотя на первый взгляд кажется, что глобализм есть объединение, но экзистенциально – это одиночество.

Не могу не коснуться идеи А.А. Ухтомского о равноценности интересов человека и общества. На первый взгляд может показаться, что это несколько далеко от педагогики, но на самом деле это не так. Эта идея имеет прямое отношение к методологии образования, к вопросу «Зачем учить?», к тому, как мы понимаем ученика. Ученик – это «чистый лист», который нужно заполнить внешними достижениями и письменами, и желательное мелким почерком, чтобы вместиť как можно больше, или же это «семя неизвестного растения», которое имеет свой уникальный код? Я думаю, что основные смыслы и цели образования не в том, чтобы передать, а в том, чтобы открыть «уникальный код» человека, предоставить ученику возможность наполнить мир своим смыслом.

Сегодня человек затрудняется ответить на вопрос: «Что есть правда, а что есть ложь?». Его никто не слышит, потому что, живя во вселенском шуме, он не слышит самого себя. Он потерял сам себя как главную трудность. Потому что самоизменение, разговор с собой – это и есть главная трудность. Общий знаменатель атомизации человека, иллюзий и агрессии как неспособности услышать себя – в дистанции между своим и чужим, в отсутствии инаковости. А потому и целостности. И Ухтомский в своих записных книжках, рассуждая о человеке и обществе, невольно проводит границу между монологичным и диалогичным образованием. Там, где монолог, – всегда внешняя история, иллюзии, нераскрытые глубины человека. Там, где диалог, – внутренняя история человека, инаковость, межпредметность, рождение и пересечение смыслов.

Еще одним проявлением внимания А.А. Ухтомского к диалогу является его мысль о «доминанте на лицо Другого». Ее суть в том, что человек – одновременно продукт культуры и ее творец. Одна из миссий университета – приобщение студента к культуре, формирование именно человека культуры, – к сожалению, утрачивается. Деятельность

университета все больше укладывается в бихевиоральный подход. В этой связи, конечно, наследие великого ученого свидетельствует о глубоко междисциплинарном характере его исследований, попытках объяснить, осмыслить законы природы с точки зрения законов социума.

Щедрина: Спасибо. Пожалуйста, вопросы.

Плотникова: Я бы хотела сказать, что для меня это актуально, как и для моих коллег из ярославских вузов. Большую работу в этом направлении осуществляет Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, и прежде всего доктор педагогических наук, профессор Владимир Владимирович Юдин, который рассматривает принцип доминанты в педагогическом аспекте. Наш «круглый стол» показывает, что идеи Алексея Алексеевича Ухтомского актуальны для разных направлений современной науки, а его наследие становится междисциплинарной площадкой для естествознания и различных социально-гуманитарных наук. Я думаю, что педагогические размышления Андрея Дмитриевича и других белорусских коллег были бы интересны для наших ученых-педагогов, и приглашаю всех принять участие в научных и культурных мероприятиях, которые мы организовываем в этом году к 150-летию юбилею А.А. Ухтомского.

Король: Спасибо, ждем Вас в Минске. Живое общение наполнит нашу беседу еще более глубокими смыслами.

Щедрина: Андрей Дмитриевич, спасибо. Я хочу передать слово Татьяне Владимировне Черниговской.

Черниговская: В 1922 г. Семен Людвигович Франк писал: «Обществоведение отличается той методологической особенностью, что в нем субъект знания в известном отношении совпадает с его объектом. Исследователь муравейника не есть сам участник муравейника, бактериолог принадлежит к другой группе явлений, чем изучаемый им мир микроорганизмов, обществовед же есть сам – сознательно или бессознательно – гражданин, т.е. участник изучаемого им общества» [Франк 1922, 36]. Еще в большей мере это относится к исследованию психики и языковой компетенции человека. «Мы – не наблюдатели, а участники бытия. Наше поведение – труд», «Природа наша делается», – писал А.А. Ухтомский, опередивший время почти на век [Ухтомский 2002, 149, 112]. М.К. Мамардашвили считал синтез разных научных подходов критически важным для понимания места человека в мире: «Я считаю, что пересечение гуманитарных и естественнонаучных исследований сознания носит серьезный, не внешний характер, напоминающий перекличку двух соседей» [Мамардашвили 1992, 73]. И далее: «...мы как бы подвешены в языке <...> Эта подвешенность в языке, четко удерживаемая и сознаваемая граница выразимого и невыразимого и есть ноуменальная часть человеческого мышления... Точность и красота мышления Канта и Декарта состоит в том, что они четко выдерживали такое понимание» [Мамардашвили 2002, 248]. Похожая мысль за несколько десятилетий до него была сформулирована Л.С. Бергом: «Наука полезна прежде всего вовсе не содержанием тех фактов, которые она трактует, а своим методом, т.е. тем способом, каким она классифицирует факты» [Берг 1922, 53].

Оценивая векторы, по которым движется та часть когнитивной науки, которая основные акценты делает на изучении языковой компетенции человека, его сознания и специфических признаков психики, очевидно, что синтез гуманитарного и естественнонаучного знания является не факультативной декорацией и данью моде, а необходимым условием научного прогресса: кардинальные вопросы лингвистики не могут быть решены без учета фактов биологии и психологии, а получаемые самими естественными науками сведения не могут быть правильно интерпретируемы без учета антропологических знаний. Даже сама разработка корректного и интерпретируемого эксперимента без такого синтеза более невозможна.

В этой связи нельзя не обратиться к новой психофизиологии, которая начала формироваться на основе положений А.А. Ухтомского о доминанте и хронотопе и совершенно смещает ориентиры от бихевиористских схем XX в. к когнитивистским XXI в. Трудно

представить себе серьезное обсуждение психических процессов самого высокого ранга без учета культурных контекстов, в которых эти процессы формировались, даже если базисные концепты и не связаны с опытом. Это давно описали Марр, Франк-Каменецкий, Фрейдентберг, Гуревич, Стеблин-Каменский...

Нельзя недооценивать изложение идей А.А. Ухтомского, анализ и оценку его взглядов на соотношение физиологического и психического в природе человека с позиций открытого им принципа доминанты как ведущего фактора антропосоциогенеза. В этой связи важно обсуждение взглядов В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, П.К. Анохина и самого Алексея Алексеевича на основные принципы работы головного мозга и роли адаптивного поведения. Очень важным является значение доминанты в формировании вводимого Ухтомским «интегрального образа», представляющего собой организацию сложнейших афферентных синтезов из огромной массы текущей информации, где подчеркивается, что кроме прижизненного формирования субъективного «образа среды» имеет место биологически обусловленная специфика восприятия. Специально отмечу, что введение в биологическое знание таких понятий, как этика и нравственность, – в высшей степени необычное явление, роль чего еще отнюдь не осознана естественными науками.

Чрезвычайно интересно и никак не устарело то в работах Алексея Алексеевича, где разбираются закономерности раннего онтогенеза человека. Видоспецифическое поведение, являясь залогом популяционной устойчивости, предполагает наличие биологической коммуникационной доминанты как направленности общения индивидуума со специфической для данного вида средой. Можно предполагать, что длительный и устойчивый характер взаимосвязи матери с ребенком должен обеспечиваться наличием у матери определенных доминантных состояний, в рамках которых и осуществляется реализация базисных программ биологического и социального развития ребенка. Ухтомский в особую группу выделял так называемые *симпатические* рефлексy на воздействия среды: влечение организма к «родственной» среде. Эти рефлексy, по Ухтомскому, характеризуют изначальный характер активности организма и составляют основу социального группирования. Важно подчеркнуть, что представление об универсальности доминантных явлений в деятельности нервной системы обосновывает их роль как ведущего фактора организации целенаправленного поведения в веротностно-организованной среде.

Человечество возвращается к не вполне забытому старому – когда еще не было отдельных наук. Наука как совокупность *разных* наук себя исчерпала, и необходима выработка совсем другого подхода, где будут синтезированы органично, а не искусственно как гуманитарные, так и естественнонаучные знания и парадигмы. Вопросы, стоящие перед физиологией и психологией, – те же, что и перед лингвистикой, и перед антропологией... В этой связи вспомним В.П. Зинченко, ученика Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, сотрудника А.Р. Лурии и А.Н. Соколова: «Внешний мир строится изнутри» [Зинченко 1999 web]. Мультидисциплинарность – это будущее науки. Да, конечно, это влечет за собой огромные трудности и перестройку сознания. Но у нас нет выхода: либо мы будем заниматься бесперспективным изучением свойств и поведения неких единиц (неважно каких), закрывая глаза на то, что они обретают смысл только как части целого, либо нам придется открыть глаза и принять встречу с совершенно новым типом науки – строгой, соблюдающей все принципы такого рода мыслительной работы, но осознающей свою включенность в более широкий контекст.

Антропологи, нейрофизиологи, психологи, лингвисты, философы, культурологи, физики, математики, психиатры, даже теологи – все они делают то, что так блестяще начали титаны прошлых двух веков и один из них А.А. Ухтомский. Как биолог и лингвист я была поражена точностью и тонкостью мыслей Ухтомского о языке, ведь язык является лучшим средством противостоять сенсорному хаосу, который атакует нас каждую миллисекунду, «объективизирует» индивидуальный опыт, в известной мере обеспечивая описание мира и коммуникацию.

Поведение, по Ухтомскому, направляется образами, организм не пассивен и реактивен, как в физиологии И.П. Павлова и бихевиоризме, а активен и участвует в создании мира. Ухтомский даже обсуждает вопрос о наследуемости приобретенных признаков! И очень неоднозначно относится к идее естественного отбора Дарвина: не может смириться с тем, что он формулирует как «скульптор жизни» или «смерть как резец и архитектор». Идея *хронотопа* была подхвачена его современниками из гуманитарных наук (М.М. Бахтиным), так что все забыли, кто ее автор... Меж тем Ухтомский в докладе, сделанном в 1925 г., говорит: «Идея хронотопа в том, что событие не создается, не определяется сейчас пришедшими факторами, – последние приходят лишь за тем, чтобы осуществить и выявить то, что накопилось и определилось в прошлом... Предрешенное прежними событиями, но требующее созревания и условий извне, чтобы сейчас открыться в действии и для всех сейчас выявиться, вот – хронотоп в бытии и доминанта в нас» [Ухтомский 2002, 349–350]. Разве можем мы не учитывать это при анализе экспериментальных данных, особенно при нейрофизиологическом анализе сложных психических функций у человека?! И далее: «Доминанта есть не теория – даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон вроде закона тяготения, который, может быть, сам по себе и не интересен, но который достаточно назойлив, чтобы было возможно с ним не считаться» [Там же, 196]. Ухтомский неоднократно говорил о нервной системе как о целостности, ее функции зависят от большого числа факторов, доминанта не из последних: «Разбиение функций – абстракция». Чрезвычайно интересны идеи Ухтомского о *Двойнике* (которого мы всюду носим с собой) и *Заслуженном собеседнике*. А чего стоит утверждение, что ощущение – не элементарный процесс, предваряющий восприятие (чему всех нас учили), а *интегральный образ*... (см.: [Там же, 64]). Или еще: «Механическое естествознание считало своей нормальной задачей видеть повсюду, в том числе и в физиологии, всего лишь твердые тела и результаты их взаимодействия в организмах... приходилось говорить и о процессах... тогда перед нами хоть и не твердое тело с однажды навсегда постоянными свойствами, то все-таки столь быстро возвращающаяся к исходному состоянию комбинация, что ее можно принять за чрезвычайное приближение к твердому телу с постоянными свойствами» [Ухтомский 2000, 126].

Я хотела бы закончить важным выводом: концепция Ухтомского о био-социальной природе человека объединяет в единое целое психофизиологические и социо-культурные детерминанты поведения и психики человека, и это существенно для понимания нашего места в мире.

Пружинин: Я хочу дополнить наше обсуждение научных идей Ухтомского еще одной, на мой взгляд, чрезвычайно важной для их полноценного понимания и актуализации темой. Идеи эти следует осмысливать в контексте отечественной философской традиции, как только что показала Татьяна Владимировна. Дело в том, что такая стратегия осмысления этих идей позволяет раскрыть конкретные культурно-исторические предпосылки их возникновения и тем самым яснее представить их смысл в контексте современной научной и духовно-практической проблематики. Подчеркнуть это обстоятельство я считаю необходимым еще и потому, что целенаправленная работа по восстановлению и актуализации имманентной культурно-исторической преемственности в области русской философской мысли началась (после длительного перерыва) лишь в 1990-х гг. И началась она, между прочим, благодаря усилиям журнала «Вопросы философии», так что наш «круглый стол» продолжает эту традицию. Выявляя в данном случае философские предпосылки научных идей Ухтомского, мы одновременно движемся вспять, к их истокам в контексте отечественной интеллектуальной культуры, и именно таким образом проясняем специфические философско-методологические основания их современной когнитивной ценности. И более того, мы обнаруживаем, что разработанные отечественными мыслителями прошлого идеи и мыслительные ходы чрезвычайно важны, если угодно, эффективны для решения наших острых проблем в различных сферах сегодняшней духовной жизни. В этом плане обращение к интеллектуальному наследию Ухтомского необычайно плодотворно: оно позволяет

продемонстрировать, сколь эффективным является и для науки, и для философии их конкретное культурно-историческое взаимодействие.

Обращаясь к ранним этапам становления отечественной философской мысли, мы обнаруживаем, что первые философствующие мыслители отнюдь не были профессиональными философами в строгом современном смысле слова. Петр Яковлевич Чаадаев, Александр Николаевич Радищев, Владимир Сергеевич Соловьев и др. затрагивали в своих рассуждениях и текстах философские сюжеты, но не углублялись в собственно философскую тематику. Они были знакомы с современной им европейской философией XVIII–XIX вв., но содержание их интеллектуальных интересов напрямую определяли иной актуальный для них конкретный вопрос – вопрос, говоря современным нам языком, о национальных особенностях России по отношению к европейской культурной среде. Прежде всего отечественных интеллектуалов интересовала историческая судьба и исторический выбор будущего России. Поэтому собственно философское содержание их размышлений об основах бытия человека, усвоенное благодаря приобщению к европейской интеллектуальной культуре, погружалось в проблематику, в центре которой оказывалась история и религиозные особенности России, – в проблематику, если угодно, религиозно-философскую. Что же касается собственно философии, то по большей части они были писателями-мыслителями, в широком смысле этого слова, философствующими о духовно-нравственных основаниях человеческого бытия.

Но в процессе формирования отечественной интеллектуальной традиции складывались и иные направления, в рамках которых культурные особенности России осознавались в иных более специальных контекстах. Причем к началу XX столетия философия в этих направлениях зачастую становилась их имманентной составляющей. В данном случае нам важно отметить роль философской тематики в творчестве тех отечественных мыслителей, кто вместе с европейской философией приобщился и к европейской науке. В рефлексивных размышлениях Даниила Михайловича Велланского, Николая Николаевича Страхова, Николая Ивановича Пирогова и других ученых философия непосредственно присутствовала в контексте конкретных естественнонаучных исследований человека, по крайней мере, в концептуальной их части. И соответственно, для тех, кто обратился к положительной науке, тема культурной специфики России вставала по-особому – в контексте стремления познать Человека средствами науки. Такие ученые трансформировали свои философско-антропологические по сути размышления в научное познание человека. Алексей Алексеевич Ухтомский продолжил эту традицию в XX в., и именно с ней связаны его чрезвычайно интересные, обретающие сегодня актуальность идеи в науке и о науке.

Представляется, что отнюдь не случайно в центре специальных научных интересов Велланского, Страхова, Пирогова была физиология – от физиологии, от медицины двигались они к проблематике Человека. И в этом движении уже явно звучала философия. Фактически они соотносили свои биомедицинские и физиологические научные изыскания с контекстом своих размышлений о судьбах страны и устройстве общества, о мировой и отечественной культуре, об основаниях и проблемах религиозной веры и о специфике образования и воспитания. Ухтомский, погружаясь в психофизиологические исследования, продвинулся от своих теологических размышлений к философскому, по сути, осмыслению широкого круга значимых тем в области педагогики и восстановления способностей человеческих, в сфере самосознания личности и нравственной проблематике в общении. Практически весь круг антропологических проблем был затронут им. И обращаясь к его размышлениям, мы отчетливо понимаем, что философия ему и другим отечественным интеллектуалам-ученым того времени была необходима для того, чтобы осознать себя и выработать свой особый взгляд на мир изнутри своей специализированной области научного познания. Чему способствовала, в частности, и философско-методологическая рефлексия внутри собственно научной деятельности.

Эпистемологическая тематика затрагивалась и соотносилась Ухтомским с его религиозными воззрениями, и не в последнюю очередь благодаря этому она органично

входила в ткань его физиолого-психологической работы (которая, в этом качестве, вполне сочеталась с его размышлениями о природе нравственности). Вот об этом я хочу сейчас два слова сказать, особо не углубляясь в эту сложную тематику. Меня затронула проблематика, связанная с понятием духовного органа. На мой взгляд, она приобретает особую актуальность в контексте уже явно обозначившейся сегодня кризисной антропологической ситуации в сфере культурно-исторического бытия современного человека. Когда в предыдущих выступлениях были затронуты проблемы нынешней педагогики, я вспомнил об обращении Владимира Петровича Зинченко в его статье об Ухтомском к понятию «преодоление “несотворенной добытийственной свободы”» (которое он заимствовал у Бердяева [Зинченко 2011; Бердяев 1931]). Преодоление этого типа свободы осуществляется через воспитание в Человеке человеческого. Я думаю, что этот, весьма распространенный ныне тип свободы был как бы оправдан его кантовской трактовкой. По Канту, философское осмысление Человека обращено исключительно к сфере его абсолютной свободы, в отличие от естественного природного бытия человека, которое как раз и попадало в область физиологических исследований. На наш с Татьяной Геннадьевной взгляд, этот разрыв в реальной человеческой практике как раз и приводит к нынешнему антропологическому кризису. Алексей Алексеевич Ухтомский своими научными исследованиями и философскими рассуждениями демонстрирует ограниченность кантовской антропологии.

Наш «круглый стол» начался с доклада, акцентирующего в позиции Ухтомского столь фундаментальную роль условного рефлекса, как и безусловного. А это значит, что уже в человеческой телесности заложены основания духовности человека и что суть этих оснований как раз и состоит в целесообразной направленности, ограничивающей абсолютную свободу Человека. Для меня как профессионального философа науки это соотнесение условных и безусловных рефлексов в становлении человеческого в человеке является чрезвычайно важным. Рассуждая в свое время о свободе, я пришел к выводу, что человек в плане генетическом существо (употреблю выражение жесткое) недоделанное. Ведь животные в принципе генетически заданы в своем поведении, а человек свободен, но свобода в этом смысле отнюдь не благо, которое мы так просто получили. Это бремя, это ответственность. Это то, с чем мы обязаны считаться как люди, как общественные существа. И это бремя, требующее выбора, условных решений, о которых только что нам говорили, требующее определения и доминанты, функциональных органов, на принципиальной значимости которых, собственно, и настаивал Ухтомский. Эти органы позволяют о-пределить сферу, если угодно, межтелесных отношений человекоподобных существ и тем самым выйти в сферу межчеловеческих отношений и самоопределиться в ней Человеку. Фактически он во многом предвосхитил тематику биоэтики.

Более того, интеллектуальное движение Ухтомского имеет самое прямое отношение к современной нам эпистемологической проблематике. Ведь фактически он перевернул («поставил с ног на голову») традиционную трактовку научного познания. В контексте его взглядов познание – это процесс обогащения органической духовности Человека, а не накопление каких-то внешних по отношению к нему данных о среде его обитания. И я позволю себе здесь напомнить о замечании Ухтомского из «Заметок на полях», которое мы вынесли в эпиграф к нашему «круглому столу» и подчеркнуть актуальность связанной с этой мыслью Ухтомского проблематики преобразования Человеком своих органов познания. Ее актуальность я как философ науки очень четко фиксирую, когда наблюдаю сегодня последствия недооценки культурно-исторической роли фундаментальной науки в духовной жизни современного общества и неумную пропаганду прикладных исследований. Ведь в становлении мотивации студентов и молодых ученых необходимо формировать гармонию, способствующую эффективности применения их духовных органов познания и в ходе постижение истины, и в процессе практического применения истинного знания о мире. Это, кстати, очень важный сегодня аспект проблематики, которая связана с оценкой роли искусственного интеллекта как органа познания и с нейрофизиологической

тематикой... Это то, что заставляет философов сегодня обращаться к идеям Ухтомского. И в этом обращении, кстати, проявляется одна из особенностей современной отечественной философии.

Щедрина: Борис Исаевич, в порядке реплики: я хочу только акцентировать внимание на том, что, когда речь идет у Ухтомского о смещении философского акцента на открытии «истины мира» для себя, это ведь у него еще и открытие себя для Другого в общении. Мы с Борисом Исаевичем и с Владимиром Петровичем Зинченко очень много писали вместе о том, что русская философия – это философия общения. Причем общение – это не просто коммуникация, не перекачивание информации из одного к другому по различным каналам связи, но именно взаимно обогащающий собеседников разговор. Борис Исаевич, спасибо. Кто желает продолжить?

Щедрина И.О.: Я хотела бы продолжить только что прозвучавший комментарий Татьяны Геннадьевны. Она напомнила о Владимире Петровиче Зинченко, выдающемся психологе, который ярко представил идею общения в отечественной психологии и философии и в этом контексте написал блестящую статью о наследии А.А. Ухтомского [Зинченко 2011]. Сегодня уже говорили о мультидисциплинарном характере философско-психологических рассуждений о Человеке, когда обсуждали энциклопедический характер исследований Ухтомского. Так, Татьяна Владимировна прочертила траекторию развития идей Ухтомского, показав их созвучие с концепциями отечественных психологов XX в. (Леонтьева, Выготского, Лурии). А Борис Исаевич проследил обратную связь и наметил линию преемственности, которая ведет от Ухтомского в прошлое, в отечественную интеллектуальную традицию XIX в., фактически к идеям философствующих медиков и физиологов (Велланского, Пирогова и Страхова). Я же хочу обратить внимание еще на одну соотносимую с идеями Ухтомского преемственную линию, ведущую к нашему времени и связанную с осмыслением человека, его психики, его статуса в окружающей среде. Речь пойдет об отечественной традиции философских – междисциплинарных – исследований природы человека, где идея собеседования получает весьма интересные истолкования. Оказывается, общаться можно и молча.

Но сначала немного истории. Как-то раз во время одной из философских дискуссий, где обсуждали доклад Сергея Сергеевича Хоружего «Выготский, Флоренский и исихазм в проблеме формирования современной антропологической модели», Владимир Петрович Зинченко, уже открывший к тому времени для себя (и для психологов) идеи Ухтомского, обратил внимание, что, когда Хоружий говорит о человеке, он подчеркивает его принципиальную незаданность – не только духовную, но и антропологическую, что требует (в контексте синергичной антропологии) каждый раз заново создавать некоторую исследовательскую типологию. Иными словами, обращаясь к каждой конкретной ситуации духовного опыта Человека, следует каждый раз заново определять конфигурацию междисциплинарности ее исследования. И Зинченко в ходе упомянутой дискуссии апеллирует к этой акцентированной Хоружим когнитивной констатации и предлагает сопоставить концепцию синергичной антропологии с идеей функционального органа в работах Ухтомского.

Для Хоружего оказывается особенно важным, что исихастское молчание – это опыт, который можно и нужно постоянно заново продумывать, потому что он меняется, потому что природа человека энергична. Изменение в сочетании энергий определяет человека не только на физическом, но и на духовном уровне. Именно на этом акцентирует внимание Зинченко, говоря в ходе обсуждения идей Хоружего об Ухтомском так: «Все-таки человек, имея богословскую степень кандидата, пошел в университет... чтобы понять анатомию и физиологию человеческого духа. Не тела, не мозга... который, конечно же, не мыслит. И все-таки он нашел единицу человеческого духа. Он сказал, что наряду с органами анатомическими, морфологическими, физиологическими – как хотите – есть органы функциональные, и дал строгое определение этих органов. Функциональный орган есть всякое временное сочетание сил – читайте энергий – способное осуществить определенное достижение» [Хоружий 2005, 293]. В этом смысле функциональный орган есть «орган построенный»; Зинченко приводит

в пример Д'Артаньяна и его шпагу, самого Хоружего и его ручку, причем подчеркивает «энергичность» и фактически предвосхищенную Ухтомским «виртуальность» этого органа: «Ухтомский говорил, что эти функциональные органы наблюдаемы лишь в исполнении. Он до всей этой виртуальности, которой запудрили нам мозги, – это середина 30-х гг. – он пишет, что они существуют исключительно виртуально. Они существуют в виде вот этих энергий» [Хоружий 2005, 293].

Характерно, что и позднее, уже в рамках семинара по синергичной антропологии (материалы которого опубликовал Хоружий), Зинченко снова пытается пробудить интерес Сергея Сергеевича к идеям Ухтомского: «Я ведь делал шаги Вам навстречу, причем не от своего имени, а от имени Алексея Алексеевича Ухтомского, Николая Александровича Бернштейна и т.д., потому что, по сути дела, в науке есть дорожка к душе, духовности. Дорожка эта открыта великими физиологами, и я не могу простить... психологам, что они сами до этого не додумались. Это то, что физиологи называли “функциональными органами”, которые komponуются либо в орган, либо в духовные организмы и т.д. И это все, так же как и у поэтов – у Пастернака, Мандельштама, – базируется на энергичной трактовке, функциональные органы трактуются энергично» (цит. по: [Хоружий, Генисаретский (ред.) 2009, 17]). И Хоружий ему отвечает сначала как бы с улыбкой: «Так я этим с благодарностью пользуюсь. «Функциональный орган» – концепт, который у меня мелькает там и сям, и я его от Вас и воспринял» [Там же]. Но подводя итоги семинара, уже на своем концептуальном языке формулирует то, что может быть важно в наследии Ухтомского сегодня и для психологии, и для психоанализа, и для синергичной антропологии, т.е. для направлений, исследующих «психологическую внутреннюю реальность». Это его «открытия в психосоматике». «Мне всегда казалось, – рассуждает Хоружий, – что если бы дополнить Лакана нашими школами, то вот это и была бы синергичная психология» [Там же, 20].

Полагаю, что идеи Ухтомского, взятые в сопоставлении с концепцией синергичной антропологии Хоружего, звучат сегодня совершенно по-особому в контексте изменений, связанных с развитием высоких технологий. При этом важно, что мы такими сопоставлениями прослеживаем преемственность отечественной экофилософской мысли, рассматривающей человека в соотношении с окружающей средой. Действительно, «функциональный орган», позволяющий человеку «длить» руку до кончика шпаги, до написанной буквы, до увиденного на другой планете кратера, позволяет нам сегодня переосмыслить понятие человеческой телесности, вынося ее за рамки тела физического в реальность, в окружающую среду. Человек, таким образом, «овнешняет» (экстериоризирует) телесность «разрастается» до «ойкоса», встраивается в него, меняя и собственный статус в окружающей среде. В то же время он «овнутривает» (интериоризирует) окружающую среду, расширяя ее границы, наделяет ее человеческим смыслом по собственному желанию. В тот момент, когда, по словам Хоружего, человек находится в центре, он сам становится топосом: «Человек в активном залоге – эпистемопорождающий центр, топос» [Хоружий 2005, 7]. И эта тема требует междисциплинарного синтеза экофилософского, психофизиологического и антропологического ракурсов.

Щедрина: Спасибо, Ирина Олеговна. Я думаю, что такие сопоставления очень важны сегодня для осмысления актуальных траекторий развития отечественной гуманитарной науки, для уточнения эпистемологического стиля русской философии. И я предоставляю слово Анастасии Георгиевне.

Гачева: Я горячо поддерживаю самый подход организаторов «круглого стола» к личности и идеям Ухтомского. Междисциплинарный вектор исследования в данном случае не просто оправдан – именно он позволяет во всей полноте понять и оценить масштаб этой фигуры, ее научную и философскую значимость. Наследие Ухтомского как ученого и мыслителя активно изучается философами, психологами, физиологами, литературоведами, краеведами, богословами, но только вместе, только в сотрудничестве мы сможем достичь результата. Ключевая задача – понять феномен Ухтомского, найти ключ к целостности его мысли и жизни.

Ухтомский не просто ученый и философ. Это целостная личность, для которой знание не конфликтует с верой, но соработает с ней. Борис Исаевич и Татьяна Геннадьевна уже говорили о ключевых константах русской мысли, и эти константы мы обнаруживаем у целого ряда российских ученых, которые, выдвигая прорывные идеи в науке, опирали их на философский и – шире – религиозно-философский фундамент. В свое время Николай Федоров, философ общего дела, задавался вопросом: «Должны ли вера и знание быть всегда противоположными и враждебными или же они должны объединиться?» – и отвечал на этот вопрос утвердительно. Ту же установку на примирение веры и знания, этики и науки мы видим у отца Павла Флоренского, у физика-философа Николая Умова, крупного ученого и мыслителя, увы, недооцененного до сих пор. В серии об ученых-философах, о которой говорили наши уважаемые организаторы «круглого стола», безусловно, должно присутствовать и его имя. На чем строит Умов свое исповедание естествоиспытателя, являющееся частью кредо человека как творящего авангарда природы, призванного увеличивать в ней *стройность*? Это «научное знание» и «любовь», объединяемые им в понятии Логоса, «слова жизни», второй ипостаси Троицы. Заметим, что для обозначения идеала развития ученый использует философское и богословское понятие Логоса, включая в него и познание, и этическое отношение, любовь, которую определяет через греческое Агапе. Агапе в христианской традиции – это любовь всеобщая, неразрывно соединенная общением с ближними, с тем, на мой взгляд, что Ухтомский назовет доминантой на лицо другого. Более того, предваряя Владимира Вернадского, Умов говорит о векторе восхождения и совершенствования жизни, называет «стройность необходимым признаком живой материи», а этику, нравственный идеал – высшим уровнем «стройности».

Ту же сплетенность языка науки и языка веры мы видим, в определенной степени, у Ухтомского. С самого начала он отдает себя математике и физиологии, с одной стороны, и богословию – с другой. Он живет и действует в поле религиозного опыта, сознавая значимость религиозного мироотношения для бытия личности на земле, и при этом настаивает не просто на возможности, но на необходимости соединения исповедания и исследования: «Мое истинное место – монастырь, но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью – с математикой, со свободой духа и миром» [Ухтомский 1996, 320]. Он декларирует целостность личности ученого, подчеркивая, что невозможно разделить его жизнь на непересекающиеся и не влияющие друг на друга сферы: профессиональных научных занятий и практик веры. Мой отец, Георгий Гачев, работавший в жанре жизненмысли, подчеркивал, что не может развести по разным углам Мысль и Жизнь, разделить в себе человека мыслящего и человека живущего. Так и Ухтомский, ученый мирового масштаба, не мог разделить в своих научных исследованиях ученого и христианина, физиолога и богослова. Достаточно почитать его дневники, записи и заметки, не предназначавшиеся для печати, и мы увидим, что учение о доминанте имеет не только научные, но и религиозные корни. Доминанта, по Ухтомскому, может превратиться в страсть и разрушить человека, но может стать и началом собирания личности, ее внутреннего роста, ее движения к совершенству. Тезис ученого и мыслителя о том, что «природа наша делаема», что человек есть существо внутренне растущее, собирающее себя, раскрывает тайну религиозного подвижничества, проецируется на Христову заповедь: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Чем еще важен Ухтомский? Для русской религиозно-философской мысли нестерпима ситуация разрыва между храмовым и внехрамовым, между верой и жизнью, когда дело веры занимает лишь локальный сегмент в многообразной деятельности человека, сводясь к еженедельному благочестивому посещению храма, исполнению церковного ритуала, вся же область внехрамовой действительности, включающей и профессиональную сферу, остается вне поля веры. Естественный для секулярного мира тезис о том, что вера – личное дело каждого и не имеет права голоса за церковными стенами, не должна манифестировать себя в жизни социума, был не просто чужд Хомякову, Федорову, Достоевскому, Соловьеву, Булгакову, Флоренскому и многим

другим, но вызывал в них внутренний протест. Они стремились внести веру в жизнь, утвердить ее как высший нравственный принцип и для личности, и для социума, как основу мироотношения и действия человека во всех сферах жизни, на всех уровнях социального бытия. Политика, экономика, культура, педагогика, творчество виделись им тем благим поприщем, на котором человек призван принести плод Творцу, преобразая мир в Царство Христово. А значит, он должен высветлять, перестраивать на евангельских основаниях эти сферы личной и коллективной активности, при этом, по слову Достоевского, начиная с себя: «Вообразите, что все христы, – ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм?»

Начинать с себя в своем учении о доминанте призывает и Ухтомский. Для него, как и для Пушкина, – «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Размышляя о русской революции, он настойчиво подчеркивает, что построить гармоничное и справедливое общество невозможно насильственным действием, но – нравственной умеренной, призывает к активности по отношению ко греху, подчеркивает, что победа достигается лишь милосердием. Так, кстати, мыслил и Константин Эдуардович Циолковский, утверждавший в работах «Горе и гений» и «Гений среди людей» подлинную – благую – природу гениальности. Гений изобретает новое, то, что составляет прирост в природе, он работает на жизнь, избавляет человечество от страданий. Гений движет человечество вперед, движет мир к совершенству. Примечательно, что Ухтомский, ученый-физиолог, но и религиозный мыслитель, еще обучаясь в Духовной академии, задумал создать биологическую теорию религиозного опыта. Ему было важно понять и доказать, что наука и вера говорят об одном и том же, только на разных языках, и, подавая руки друг другу, утверждают мир и человека в их целостности и одновременно внутреннем движении, восхождении к совершенству.

Вернусь еще раз к дневникам Ухтомского, которые для понимания его идей очень важны. Думаю, что Елена Кнорре, известный исследователь Михаила Пришвина, мои рассуждения об этом продолжит. Дневник Пришвина, как теперь, после полной его публикации, становится ясно, это ключ к художественному творчеству писателя: все концы и начала художественных замыслов скрыты в его дневниках. И мы понимаем, что говорить о Пришвине как о певце природы, писателе-натуралисте и натурфилософе – значит редуцировать и прямо исказить его мысль и масштаб его творческой личности. То же самое происходит и с Ухтомским. Говорить о нем как о гениальном физиологе, не касаясь философских и религиозных оснований учения о доминанте, – значит загонять его в прокрустово ложе сциентизма, значит неверно понимать и саму доминанту, которая раскрывает весь спектр своих значений именно в поле веры, представляет собой своего рода религиозный императив, причем не внешний, но внутренний, рождающийся в глубинах совести человека, определяющий и его психофизику, и его мысль, и его действие.

О чем еще нужно сказать, на мой взгляд. Конечно, важно исследовать поистине масштабную тему: «Ухтомский и его современники». От Ухтомского и его идей идут смысловые векторы к Михаилу Бахтину. Философ Алексей Дорогов, который в 1965 г., как Сергей Бочаров, Вадим Кожин, Георгий Гачев в 1960-м, приезжал к Бахтину, а затем общался с ним уже в завершающий московский период, настойчиво выяснял корни философских интуиций Бахтина. И когда в 1973 г. в журнале «Новый мир» были опубликованы письма Ухтомского к Елене Исааковне Бронштейн-Шур, своей ученице, Дорогов, крайне скрупулезно относившийся к истории идей, почувствовал в этих письмах определенное родство между Ухтомским и Бахтиным. Он задал Бахтину прямой вопрос и получил ответ, что здесь нет случайности, что Михаил Михайлович в 1920-е гг. слушал лекции Ухтомского «и они имели определенное влияние на него». Само понятие «хронотопа», разработанное Бахтиным в филологии, изначально принадлежит Ухтомскому. Ухтомский с его идеей доминанты на лицо Другого как друга и «заслуженного собеседника» органически входит в традицию отечественной философии диалога. И наконец, его идеи и определения встраиваются в крайне значимую для русской мысли традицию нравственного понимания догмата Троицы, сложившуюся

в русской философской и богословской мысли, от архимандрита Феодора (Бухарева), Николая Федоровича Федорова, Владимира Сергеевича Соловьева, митрополита Антония (Храповицкого) до Сергея Николаевича Булгакова, Александра Константиновича Горского, Николая Александровича Сетницкого и других. Бахтин с его идеей полифонизма также является частью этой традиции, в которой неслиянно-нераздельное бытие лиц Пресвятой Троицы предстает образом всечеловеческого многоединства. Учение Ухтомского о доминанте обращается не только к личности, но в равной степени – к людям в их совокупности, которым заповедано быть в единстве друг с другом, как Христос находится в неслиянно-нераздельном единстве с Богом-Отцом. Не превращать другого в двойника, но видеть в нем собеседника – это значит воплощать в своем мироотношении принцип Троицы.

И наконец, предпринятое Ухтомским космологическое доказательство бытия Божия лежит в русле утверждаемой русской религиозной мыслью идеи целостности творения, богоданности бытия. Ухтомский стремится уйти от образа молчащего, мертвого космоса, мироздания, которое движется к тепловой смерти, когда, как говорит герой Достоевского, «Земля обратится... в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней» [Достоевский 1975, 49]. Именно в такой картине мира принуждены были жить современники Ухтомского в последней четверти XIX в., и именно в противовес ей выстраивали планетарно мыслящие философы и ученые Николай Федорович Федоров, Сергей Андреевич Подолинский, Николай Алексеевич Умов, Владимир Иванович Вернадский, Павел Александрович Флоренский представление о жизни и творческой деятельности человека как факторе негэнтропии. Опираясь на концепцию энергетизма Вильгельма Оствальда, Ухтомский, подобно Владимиру Соловьеву и Павлу Флоренскому, утверждает образ Вселенной, пронизанной божественными энергиями, движущейся к Царствию Божию. И подобно Федорову, добавляет к двучлену Бог и Природа третий член – Человека.

Щедрина: Большое Вам спасибо, Анастасия Георгиевна, за такое выступление, эмоциональное и интересное. Пожалуйста, вопросы.

Анохин: Анастасия Георгиевна, я согласен совершенно с Вашей трактовкой стержневой линии в исканиях Алексея Алексеевича. Но мне кажется, что требования исторической достоверности не позволяют обобщать это на всю русскую мысль, когда Вы говорите, что для русского человека нестерпима ситуация разрыва между храмовостью и нехрамовостью, и эта мысль направлена на примирение разума и религии. Мы знаем, что в исторической традиции научно-философского мышления были люди, шедшие и другим путем. Сеченов не относился к таким мыслителям, Павлов не относился, Бехтерев не относился. И поэтому мне кажется, что более правильная постановка проблемы, что для русского ума была нестерпима ситуация и были важны поиски примирения науки и нравственности, а не религии. А то, каким образом это делали эти выдающиеся люди, могло отличаться.

Гачева: И я с Вами совершенно согласна. Я не говорила, что это нестерпимо вообще для русского человека, я имела в виду русскую философскую мысль, и не всю вообще, а прежде всего то мощное ее течение, которое связано с христианской традицией, трактуемой свободно и творчески. Более того, для русской религиозной философии религия этикоцентрична, а этика с ее персонализмом и установкой на преодоление эгоизма, сосредоточенности на атомарном, себялюбивом «я» вырастает из новозаветной идеи любви и жертвы. Секулярное сознание утверждает единство науки и этики, но нужно понимать, что последняя фактически выполняет роль религиозной категории.

Обратите внимание, что Владимир Иванович Вернадский, выдвинувший идею биосферы и ее перехода в ноосферу, где ведущую роль играет творящий разум человека, подчеркивает этические основания активности разума, предостерегая его от того, чтобы служить «взаимоистреблению» человечества. Более того, в письмах сыну Георгию он подчеркивает значение «новой русской философии», имея в виду представителей

религиозно-философской традиции, для разрешения конфликта между верой и разумом, для выдвигания целостного вектора будущего, целостного идеала развития.

Понятно, что Вернадский – это не Ухтомский с его полнотой религиозного мироотношения. Полная параллель здесь невозможна. Но возможна параллель между Ухтомским и Пьером Тейяром де Шарденом, французским собратом русских космистов, ученым-палеонтологом и священником, философом и богословом, который, подобно русскому физиологу, утверждал синтез философии, науки и богословия применительно к жизни и человеку, творил свою мессу над миром и в книге «Феномен человека» фактически представлял естественнонаучное доказательство бытия Божия, корреспондирующее с космологическим доказательством Ухтомского.

Щедрина: Спасибо большое. Хорошо. Еще вопрос? Елена Юрьевна, пожалуйста.

Кнорре: Дорогие коллеги, маленький вопрос, уточняющий. Можно ли сказать (мы вот уже не раз обсуждали и подводили к этому), что Ухтомский может рассматриваться в кругу своих собеседников, современников, – в круге русского космизма? То есть можно ли обозначить какую-то грань этого соприкосновения? Спасибо.

Гачева: Думаю, что да, и тут особенно важно, как мы понимаем русский космизм. Мне близок тот подход, который утверждала Светлана Григорьевна Семенова, один из ведущих теоретиков и исследователей космизма. Она предпочитала говорить об активно-эволюционной и активно-христианской мысли как о двух ветвях этого течения, подчеркивая, что для них в равной степени характерно представление о человеке как инстанции самосознания и самоуправления природы, как существе, которое, возникая в процессе восходящего развития природных форм или в результате акта Божественного творения, в равной степени должно исполнить «заповедь» регуляции, просветляя и преобразуя природу. Человек-деятель отвечает за все бытие и должен вести его к совершенству, он – творческий авангард природы и соратник Творца в деле преобразования мира в Царство Христово. При таком понимании космизма Ухтомский очень хорошо вписывается в его систему координат.

Проективное мироотношение – характерная черта философов-космистов, для которых идея проективна, носит целеполагающий характер, собирает мир и человека и движет вперед. Такое мироотношение в высшей степени было свойственно и Ухтомскому, чаявшему воплощения идеала. Заметим, что и понятие «общее дело» у Ухтомского звучит постоянно. Кстати, с идеями Федорова он был хорошо знаком. И когда Ухтомский говорит: «Любовь открывает нам возможность общего дела на ниве Божией», то прямо подает руку Федорову, для которого человечество, устрояющее свою социальную жизнь по образу Божественного Троичества на началах любви, становится сознательно-свободным орудием Творца в деле «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения». О соработничестве Бога и человека в истории говорил и Достоевский. Достоевский и Ухтомский – это тоже очень большая и важная тема.

Щедрина: Спасибо, Анастасия Георгиевна. Спасибо, Елена Юрьевна. Давайте двигаться дальше. И мы предоставляем слово Александру Евгеньевичу.

Рыбас: А можно я начну с вопроса предыдущему докладчику? Я хотел спросить, но ждал возможности. Маленький вопрос, тем более что я тоже об этом буду сейчас говорить: для Ухтомского делание личности, о котором Вы говорили и которое предполагает продвижение к совершенству, базируется на представлении о том, что есть некоторые универсальные идеалы совершенной личности, либо, может быть, оно предполагает множество альтернативных идеалов? Как Вы думаете?

Гачева: Думаю, что Ухтомский ответил бы словами Достоевского: «Идеал есть у меня, дан, Христос». Для него, верующего ученого и мыслителя, безусловно, значим образ Христа как «идеала человека во плоти» (еще одно определение Достоевского). Вместе с тем если говорить об универсальных идеалах и их признании или непризнании, то сегодня Вера Владимировна Толченникова замечательно говорила о том, что у личности есть свобода и есть разные траектории движения человека в этой свободе. Следовательно и доминанты личности могут меняться. Но важно, чтобы вот эта,

действующая здесь и сейчас доминанта не превратилась в страсть и нравственно не деформировала человека. Более того, Ухтомский подчеркивает, что существуют так называемые ложные доминанты, опора на которые чревата разрушительными последствиями и для личности, и для общества. Почитайте его записи, связанные с революцией и действиями новой власти. У власти, опирающейся на ложные или дробные идеи и идеалы, может быть доминанта, оборачивающаяся большим злом! Вспомним фашизм. Ведь у Гитлера была мощная идеологическая доминанта – и к каким сатанинским последствиям это мир привело, какими миллионами жертв обернулось.

Рыбас: Да, не случайно ведь Ухтомский писал о том, что главное – это воспитание доминанты на лицо Другого.

Гачева: На лицо Другого. Именно так. Не «ячество», но «Ты еси».

Рыбас: «Неячество» – это первое, а второй-то аспект здесь какой? Это – Другой, на лицо которого я должен выращивать, воспитывать в себе доминанту. Он ведь *Другой*. Он не есть моя проекция, не есть мое представление. Связь с Бахтиным здесь прослеживается напрямую, потому что Ухтомский пишет как раз о том, что важно говорить о другом как о Другом. А это значит, что Другой вариативен. Доминанта на лицо Другого предполагает реализацию золотого правила нравственности в нашей жизни, построение социума, оптимального для жизни, но я думаю, что говорить о каком-то едином идеале человека, который был бы, например, укоренен в христианском учении, в случае с Ухтомским все-таки нельзя. Я постараюсь это вкратце обосновать.

Тема моего выступления также касается связи идей Ухтомского с историей русской философии. Конечно, показывать эту связь необходимо всегда. Когда со студентами разбираешь его тексты или объясняешь на лекциях его позицию, всегда возникает эта задача – показать, что взгляды Ухтомского сформировались не случайно, что они являются результатом развития философской культуры России. Если в целом говорить о философских взглядах Ухтомского, то поражает всеохватность и недогматичность его мышления. В свое время А.И. Герцен высказал требование “*Tout accepter et rien exclure*” (все принять и ничего не исключать), которое стало своеобразным критерием интеллектуальной честности русских мыслителей. Этот тезис вполне приемлем и для Ухтомского. Его творчество представляет собой, по сути, реализацию этого тезиса. Поэтому мы видим у него интерес к самым разнообразным философским школам, традициям и т.д.

Сегодня уже много говорили о связи идей Ухтомского с русской религиозной философией, я повторяться не буду. Понятно, что здесь важны для него и славянофильское учение о цельном разуме, и диалогизм, и преодоление разрыва между знанием и верой и т.д., и в частности проблема изучения статуса и функций религиозного опыта. Я больше внимания сосредоточу на другой составляющей взглядов Ухтомского: это нерелигиозная философия или, так скажем, позиция, которая может быть охарактеризована как философский реализм либо как разновидность позитивизма. В отношении к эмпириокритицизму Ухтомский отличался от тех религиозных русских философов, которые, как, например, Бердяев, с издевкой характеризовали эту традицию как вырожденчество философской мысли или же говорили о том, что это просто мода на научную мысль. Ухтомский же видит в этой «модной» научной философии возможность решить главную проблему, которая его интересовала, а именно проблему преодоления метафизического и гносеологического дуализма. Это позволяет, полагал Ухтомский, в том числе восстановить и истинное значение христианской религии.

Он пишет в записной книжке: «Я именно убежден с Духовной академии, что только чистая позитивистическая мысль, мысль, знающая один метод познания – опыт, как бы он ни приходил, только эта чистая позитивистическая мысль способна вернуть христианству его светлый жизненный голос в мире. Это – традиция христианской александрийской школы. Стоически-неоплатоновская традиция, возобладавшая в истории Церкви, увела христианскую мысль в пустынные поля догматических абстракций, в “филологию” вместо философии» [Ухтомский 1997, 409]. Далее, настаивая на том, что религиозный опыт представляет собой прежде всего психическое состояние

человека, а психика обусловлена высшей нервной деятельностью, Ухтомский приходит к выводу, что этот опыт должен изучаться при помощи физиологии. Неслучайно в раннем христианстве, отмечает Ухтомский, тело человека почиталось наравне с душой, что нашло отражение в патристике. Отцы церкви считали, что тело, или «естество», дано Богом человеку для того, чтобы он мог проявлять свои душевные устремления. Бог все устроил разумно, и поэтому знание тела – «покрова души» – так же необходимо, как и духовное знание. Между телом и душой изначально существует гармония, и ее нарушение как в ту, так и в другую сторону ведет к одностороннему рационализму и догматизму, препятствующим «собеседованию человека с истиною». Ухтомский выражает взаимную зависимость души и тела следующим образом: «Тело и его поведение и обычаи могут воспитываться и следовать за тем, что созрело и решено внутри. Но и дух и воля воспитываются тем, что сложилось и как воспитано тело и поведение» [Ухтомский 2002, 278].

Ухтомский ставит перед собой цель создать единую науку, в которой человек рассматривался бы как «живое целое», с присущими ему телесными, душевными и духовными качествами, а также внутренней свободой и способностью к творчеству. Эту интегральную науку он называет «психофизиологией», поскольку все разнообразие психических состояний человека она должна описывать исходя из данных физиологии. «Мы привыкли думать, – пишет Ухтомский, – что физиология – это одна из специальных наук, нужных для врача и не нужных для выработки мирозерцания. Но это неверно. Теперь надо понять, что разделение “души” и “тела” имеет лишь исторические основания, что дело “души” – выработка мирозерцания – не может обойтись без знания “тела” и что физиологии надлежит положить в руководящее основание при изучении законов жизни (в обширном смысле)» [Там же, 272].

Последовательно развивая принципы своей психофизиологии, Ухтомский пришел к созданию теории доминанты, о которой сегодня много говорили. Я напомним, что сам термин «доминанта» был взят Ухтомским из «Критики чистого опыта» Р. Авенариуса. Собственно, понятием «доминанта» Ухтомский заменил термин «истертиозис», который был введен Николаем Евгеньевичем Введенским. Но если у Авенариуса о доминанте говорится лишь вскользь (а именно, когда он описывает механизм поведения человека, обусловленный работой центральной нервной системы – системы С, – он замечает, что иногда параллельные иннервационные ряды могут влиять друг на друга так, что один из них полностью изменяет другой, как бы подавляя его и подчиняя себе, в результате чего определяется и реакция организма в целом), то Ухтомский придает доминанте центральное значение. В этом месте из «Критики чистого опыта» Ухтомский увидел точное изложение сути своей теории.

Учение о доминанте позволило Ухтомскому преодолеть гносеологический дуализм, поскольку чувственное и рациональное познание были объяснены им как последовательные фазы развития единой, целостной доминанты. Вместо традиционного деления познавательных способностей человека он вводит понятия «интегрального образа» и «интеграла опыта» и в результате создает динамическую и монистическую модель реальности, что полностью соответствовало устремлениям русских эмпириокритиков в начале XX в. Тем самым был преодолен и метафизический дуализм. Можно было бы описать эту модель, но я думаю, что я не буду занимать время. Просто скажу, что, используя эти два понятия, – с одной стороны, «интегральный образ», с другой, «интеграл опыта», – Ухтомский предлагает такую систему, или же картину мира, которая является саморазвивающейся, постоянно меняется, адаптируется, совершенствуется и т.д.

И в заключение... Здесь как раз и начинаются самые интересные, на мой взгляд, рассуждения Ухтомского. Отталкиваясь от динамического понимания действительности и человека, занимающего в этой действительности свое место, Ухтомский делает много выводов. Один из них – это вывод о возможности творческого конструирования как мира, в котором живет человек, так и самого человека. Очевидно, что если реальность «в чрезвычайной степени определяется тем, каковы наши доминанты и каковы

мы сами» [Ухтомский 2002, 142], то для того, чтобы ее изменить, нужно «направить в определенное русло поведение и саму интимную жизнь людей» [Там же, 66], овладев доминантами в себе самих и в окружающих. Физиология дает возможность понять основные принципы поведения человека, объясняет смысл и структуру ставшего, однако она не в силах научно сформулировать идеал общественного развития, его цель. Здесь можно строить лишь гипотезы, и причем такие, которые нельзя фактически проверить. Смысл жизни всегда гипотетичен – он утверждается на свой страх и риск и доказывается собственным существованием человека. Философские истины, как и истины науки, открываются экспериментально, разница только в том, что в философии эксперимент длится целую жизнь...

Щедрина: Александр Евгеньевич, спасибо. Пожалуйста, вопросы к Александру Евгеньевичу. Нет вопросов? Дарья Сергеевна, пожалуйста.

Московская: Продолжая размышления Александра Евгеньевича и Анастасии Георгиевны о том вкладе, который Ухтомский внес в отечественную философскую мысль и теорию литературы, я напомним об историческом месте, о физическом и духовном пространстве, с которым он был родственно связан. Ухтомский происходил из Ярославщины, с берегов Волги с ее разномыслием и духовной свободой, с ее обращенностью на восток и на запад, открытостью мировым пространствам. Если вы пройдетесь по Рыбинску, где протекли детство и юность Ухтомского, то, возможно, обратите внимание на приметы в его архитектурно-монументальном облике мирного сосуществования различных вероисповеданий, разнообразной хозяйственной, культурной, политической жизни этого богатого купеческого города – некогда хлебной столицы России. Почему я об этом говорю? Потому что Рыбинск стал самым первым и самым ранним центром советского краеведения на Ярославщине. Начало ему в 1914 г. положило Рыбинское научное общество, которым с 1918 г. руководил Алексей Алексеевич Золотарев, всю жизнь поддерживавший связь со своим ученым другом и дорогим сердцу единомышленником и оставивший о нем бесценные воспоминания [Золотарев 2016]. К Золотареву на краеведческие съезды приезжали выдающиеся ученые – Александр Евгеньевич Ферсман, Сергей Федорович Ольденбург, Николай Яковлевич Марр, друзья Золотарева и знакомцы Ухтомского по братству Св. Софии Иван Михайлович Гревс и Николай Павлович Анциферов [Александрова-Чукова 2021, 406].

То, к чему в историко-философском плане подошла краеведческая мысль, можно назвать «герменевтикой пространства», призванной отыскать выход из череды опосредований к жизни и мысли ушедшего Другого. Тут вспоминаются строки из феноменологии восприятия Мерло-Понти: «Во всякой цивилизации необходимо отыскать <...> особый способ оформления мира, который историку необходимо восстановить и принять. *Вот где измерения истории*» (курсив мой. – Д.М.) [Мерло-Понти 1999, 18]. В дневниковых записях Ухтомского читаем: «Быт и уклад жизни предопределяет далее и мирозерцание, и степень восприимчивости к событиям, к духовному опыту» [Ухтомский 1997, 247]. В традиции как историческом опыте передачи смысла знаков заключена возможность «вновь дать выражение ходу мысли, представленному в сказанном слове» [Бетти 2011, 22], воскресить, понять и принять точку зрения собеседника, отдаленного от нас историческим пространством и временем.

Восхождение к историческим смыслам слова изнутри традиции – главная задача, которую призваны решить историки литературы, – может быть понята, по Ухтомскому, как обретение *Заслуженного собеседника*: «Когда интерполируешь лицо ближнего и собеседника в другую сторону, заканчивая образ его в отрицательную сторону, тем самым предпрещаешь для самого себя возможность совместного дела с данным человеком, и притом на основании твоих собственных отрицательных черт, которыми ты интерполировал своего собеседника! Собеседник твой таков для тебя, каким ты его заслужил! Тем, что не заканчиваешь его образ и не произносишь над ним окончательного суда, открываешь себе возможность его идеализировать, любить, проектировать и осуществлять вместе с ним новую лучшую жизнь!» [Ухтомский 1997, 128]. Важнейший посыл этической программы Ухтомского – призыв видеть собеседника без

предвзятости, духовно близок бахтинской концепции диалога, распространяющейся на литературоведческую интерпретацию текста, когда «исследование становится спрашиванием и беседой, т.е. диалогом» [Бахтин 2000, 312], и «объектное отношение» к чужой речи требует способности не просто любить собеседника или жалеть, но главное – его понимать [Там же, 311]. Собеседник бросает вызов своему визави, диалог требует равенства, и в одном случае «человек домогается равенства тем, что стаскивает другого с его высоты до своего уровня, принижает его до себя. В другом случае он домогается того же равенства, но тем, что усиливается подняться со своего низа до того высшего, в котором видит другого» [Ухтомский 1996, 210].

На идее равенства, не допускающей «завершающей и как бы умерщвляющей оправы чужих слов», Бахтин построит концепцию полифонического романа Достоевского, который, «подобно гетевскому Прометею, создает не безгласных рабов (как Зевс), а свободных людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать на него» [Бахтин 2002, 10].

Концепция Заслуженного собеседника Ухтомского находит отклик в предложенном философом и теоретиком литературы Александром Викторовичем Михайловым понятии «обратное проецирование», которое характеризует связь науки с жизнью: «легко представить себе, что... в 1700 году... существовали тоже какие-то “мы”, существовало нечто близлежащее для этих “мы”, и существовала история, которая разворачивалась точно так же, как разворачивается она сейчас для нас. Но... строя вот такое представление и перенося его... на все эпохи прошлого... мы, поступая так, находимся в пределах прежней инерции нашей науки, и... совершаем то, что я... называю обратным проецированием, операцией обратного проецирования, при которой в чужой для нас истории и чужой для нас исторической ситуации мы приписываем способность подчиниться нашим понятиям и представлениям. ...Я думаю, что наука в нынешнем ее состоянии должна отдавать себе отчет всякий раз в том, что она делает при этом некоторую опасную и рискованную операцию, *присваивая себе то, что ей не принадлежит, распространяя на свое то, что привычно для нас сейчас, перенося на чужое то, что присуще своему*» (курсив мой. – Д.М.) [Михайлов 2001, 214].

Философию диалога, сконцентрированную в образе Заслуженного собеседника, Бахтин назвал в своих заметках «истинной конвергенцией (когда два направления мысли коснулись какой-либо стороны одной и той же правды)» [Бахтин 1997, 317]. И в этом существенная грань, отделяющая христианское мировоззрение Бахтина и Ухтомского от всякого другого. Вот как об этом писал сын Рыбинского протоиерея Алексей Золотарев: «Личное начало пронизывает весь мир, освещает и одухотворяет его. Мир не безличен, он сотворен Богом и носит на себе печать божественного промысла и творчества» [Золотарев 2016, 404]. Аксиология Ухтомского – человека и ученого – определялась усвоенными в детстве, в Рыбинске, в общении с любимой тетушкой, с семьей Золотаревых, традициями святоотеческой культуры и зиждилась на вере в непреложность законов совести как встречи, как диалога – молитвенного общения человека с Творцом. Труды Ухтомского-физиолога, психолога, философа, его эпистолярный, маргинальный и дневниковые записи свидетельствовали о новом состоянии отечественной культуры, оказавшейся в 1920-е гг. перед угрозой ориентированного на «массу», на «ничье» теоретического сознания. Подавление или одержание – у Бахтина эта идея выразилась в понятии «рокового теоретизма», «монологизма», у Ухтомского – в понятии «Двойника» – были этими мыслителями противопоставлены диалогу и полифонии, где нет ни доминирования, ни одержания, ни есть «Собеседник» и возможность его «заслужить». Свои философские размышления Ухтомский проецировал на современную ему историю: «Власть на высоте своего признания должна быть совершенно незаметной для своих подвластных, за исключением только тех случаев, когда подвластные делают преступления против Добра <...> подлинно добрая власть должна нести на себе самый тяжкий из трудов мира – обслуживание подвластных – вполне безвозмездно» [Ухтомский 1997, 142]. В этом высказывании ощущается глубинная связь с размышлениями М.М. Пришвина, записавшего в своем дневнике:

«Мерой человека должна считаться величина его любви, а в отрицательный счет – сколько с его существованием связано смертей. Тогда многие великие люди сделаются извергами, а самые последние (неизвестные) – великими» [Пришвин 1999, 210].

Свободное и взаимное духовное развитие равноправных собеседников обеспечили развитие культуры как общего дела всех живущих, по мнению Ухтомского. То же понимание культуры как культуры общения и взаимопонимания, нашедшее выражение в концепции народной смеховой культуры как особой общности сознаний, противостоящей какой-либо изоляции или подавлению, было у Бахтина. Ориентированная на «лицо Другого» философия объединяет Золотарева, Ухтомского и Бахтина и оказывается созвучной герменевтическим идеям А.В. Михайлова.

Федоров: В продолжение сказанного Анастасией Георгиевной о религиозных контекстах Ухтомского и Д.С. Московской – о собеседниках Ухтомского и рожденных в диалоге с ними идеях, я бы предложил вписывать этого мыслителя в русскую религиозную философию с осторожностью и с известными оговорками. Понимая, что реформирование религиозной жизни (касается ли это догматических положений или обрядовых практик) с аскетической точки зрения легко может оказаться результатом человеческой гордыни и плодом честолюбия, он в своих духовных поисках смотрел назад, в прошлое, опирался на опыт прежде всего древней Церкви.

И если нам все же необходимо включить Ухтомского в ряд русских религиозных философов и реформаторов, то мы тогда должны рядом с ним поставить не Николая Бердяева и о. Сергия Булгакова, а представителей школы русского богословия, которая сложилась в стенах Московской и Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской академий. Рядом с Ухтомским окажутся те, кто, не отступая от традиционной догматики и сохраняя верность и послушание Церкви, углублял, уточнял или очищал богословскую науку от поздних наслоений и искажений. Я имею в виду замечательных русских богословов: профессора Сергея Епифановича с его работами о Максиме Исповеднике, профессора Макария Оксюка с его фундаментальными исследованиями о Григории Нисском, труды профессора Василия Болотова по истории Церкви и многих других.

Мне кажется, говоря об Ухтомском как об устроителе церковной жизни, надо определить его главную заботу и боль. Он тяжело переживал церковный раскол XVII в., и его деятельность в церковной ограде в значительной степени была продиктована желанием преодолеть это разделение. Отсюда его интерес к единоверию. И, очевидно, что душа его склонялась к традиции, сохранившейся у староверов. В статье, о которой я буду говорить ниже, он пишет: «...до земли должен поклониться русский человек нашим старообрядцам, благоверных сохранившим сокровищницу церковного чина и знаменного распева от варварских нашествий, которым они подвергались» [Ухтомский 1997, 355].

Ухтомский проявляет себя ревнителем строгого церковного обряда. Он был деятельным участником церковной жизни, писал иконы, хорошо знал знаменное пение. Алексей Золотарев вспоминал, что в Петербурге он был свидетелем его ночных молитвенных бдений и сам не раз подолгу с ним беседовал на духовные темы. Да и внешняя, так сказать, церковно-общественная жизнь Ухтомского все время находится в границах официально существующей церкви. Не пытается он из себя и своих почитателей и последователей создать какую-то особенную общину. Он посещал в Петербурге Никольский единоверческий храм, пел там в хоре и читал за службой, был избран членом приходского совета, а в июле 1912 г. его избирают старостой прихода. Кроме этого, его назначают директором приходского мужского реального училища при единоверческом братстве, хор которого ежегодно принимал участие в совершении Божественной литургии по древнему чину в церкви Зимнего дворца.

Летом 1917 г. на Втором Всероссийском съезде единоверцев Ухтомский избирается одним из пяти мирян-единоверцев представителем на Поместный собор русской церкви с наибольшим числом голосов в свою пользу. И, кроме того, поскольку на соборе должен был решиться вопрос о предоставлении единоверцам своего епископата, он избирается кандидатом в епископы Нижегородской единоверческой епархии.

Митрополит Антоний (Храповицкий) назначил главой этого съезда единоверцев родного брата Ухтомского, епископа Уфимского Андрея. И митрополит Антоний, и епископ Андрей сочувственно относились к староверию. Осенью того же 1917 г. Ухтомский принимает участие в деятельности Поместного собора и в избрании патриарха Тихона.

Я бы хотел особо сказать об одной почти забытой работе Ухтомского этого периода – статье «О церковном пении», которая показательна в контексте того, о чем я говорю. В 1910 г. он печатает ее в «Санкт-Петербургских ведомостях», и она вызывает полемику на Первом Всероссийском съезде единоверцев в 1912 г., а в материалах съезда он издает вторую статью под тем же названием – это его доклад на съезде. Подобно многим своим современникам, знатокам и любителям церковного пения, он говорит об упадке церковного пения в России. Очевидно, что на самом деле за упадок искусства современниками принимался глубокий идеологический кризис церковного пения, корни которого уходят в середину XVII в., когда с приходом западноевропейского многоголосия произошел насильственный слом православной певческой традиции, что породило и массу проблем церковно-певческой практики, и неизбежность будущих кризисов стиля.

Ухтомский сформулировал идеологическую суть проблемы, указав на связь церковного творчества и духовного подвига. «Молитвенному деланию, – говорит Ухтомский, – может служить только искусство, созданное молитвенным деланием» [Ухтомский 1912, 20]. Следование сложившемуся в церкви канону – ключевая тема этой статьи. Ученый подчеркивает художественную целостность певческого содержания службы, возможно только в рамках канона, при строгом следовании уставу: любое музыкальное произведение, какими бы высокими музыкально-выразительными достоинствами оно ни обладало, способно только нарушить эту целостность. Обращаю ваше внимание: Ухтомский ничего не реформирует, он возвращается к традиционному, многие столетия существовавшему пониманию синкретизма православного богослужения – к единству слова, звука, образа. Он говорит о вневичной, соборной природе церковного творчества.

Таким образом, известная строгость и даже жесткость и категоричность суждений Ухтомского в отношении современных ему стилевых и литургических тенденций в церковном пении обнаруживает консерватизм и традиционность его мышления в том, что касается духовных практик и организации церковной жизни. Он не реформатор, а хранитель, или вернее – охранитель.

Щедрина: Позволю себе небольшую реплику. На мой взгляд, Ухтомский не вписывается ни в один из указанных выше рядов. Согласно, с большой осторожностью его рассуждения можно относить к русской религиозной философии. Но ставить его в один ряд с представителями русского богословия Духовных академий тоже нужно с большими оговорками. Он, по сути своей, все же философ, то есть изначально исследователь, который не может «упокоиться в абсолюте». Об этом, кстати, свидетельствует профессиональный богословский отзыв на его студенческую (кандидатскую) работу «Космологическое доказательство бытия Божия»¹ (см. о ней подробнее [Филиппова, Тодес 2023]²), убедительно демонстрирующий, насколько он выходит за рамки канона Духовных академий, когда размышляет о мире, когда становится *исследователем*, для которого важен не только результат, но и путь (то есть рефлексивная фиксация того, как мы приходим к знанию). И этот факт отметил рецензент, экстраординарный профессор МДА, православный богослов и историк религии Сергей Сергеевич Глаголев (1865–1937)³, поставивший Ухтомскому за диссертационное сочинение балл «пять», но «с минусом». Этот «минус», как формулирует Глаголев, заключается в том, что «г. Ухтомский не воспользовался должным образом собранным им материалом. Задача космологического доказательства прежде всего состоит в том, чтобы показать, что мир нельзя мыслить самобытным и что, следовательно, нельзя принимать ни материалистического, ни пантеистического мировоззрения. Эта непосредственная задача ускользнула от внимания автора. Вместо выполнения ее в сочинении

находятся рассуждения о религиозном опыте, о схоластическом и неразумном направлении многих богословских трудов в прежнее время, о появлении ценных исследований в последние годы. Все это не имеет прямого отношения к задаче автора, и читатель оставляет сочинение с чувством разочарования вследствие того, что из ценного апологетического материала автор не сумел сделать надлежащего употребления. Автор не дал в своем труде полного и законченного космологического доказательства бытия божия, но за всем тем, должно признать, он много прошел по пути, ведущему к этому доказательству» (цитирую в современной орфографии по рукописному оригиналу, ОР РГБ, 172-422-13, л. 1 об., дата написания отзыва 29 мая 1898 г.). Приведу еще одно замечание Глаголева (на мой взгляд, в нем настолько четко просматривается эпистемологический стиль Ухтомского, что отзыв стоило бы опубликовать полностью): «В богословской части труда автору следовало бы выбирать себе руководителей понадежнее. В деле выяснения взглядов богословов он, по-видимому, готов довериться Шопенгауэру (стр. 9)...» (Там же, л. 2 об.). Спасибо, коллеги.

Продолжим. Салам Керимович, может быть, Вы сейчас выступите?

Гусейнов: Спасибо за то, что пригласили участвовать в «круглом столе», подключили к этому разговору. Ухтомский вошел в мой, так сказать, интеллектуальный круг еще со студенческих лет, мы произносили его фамилию с ударением на второй слог. Сейчас я слышу, что специалисты его называют Ухтомский, с ударением на первый слог. Он в моем сознании ассоциировался с понятием доминанты, и узнал я о нем в рамках курса высшей нервной деятельности. Сейчас с интересом обнаружил (за это спасибо инициативе, которую проявили Борис Исаевич и Татьяна Геннадьевна), что он имел очень оригинальные и более широкие взгляды на человека. Может быть, я ошибаюсь, но у меня вообще сложилось впечатление, что философский акцент свойствен русской физиологической школе. Конечно, специалисты, прежде всего Константин Владимирович, могут лучше сказать, насколько это свойственно вообще всем физиологам в мире, но вот русским физиологам, которых мы в рамках философских курсов изучали и с которыми сталкивались, – Сеченов, Павлов, Ухтомский, Анохин, у них у всех были какие-то определенные собственные взгляды о человеке, мире, познании, словно они рассматривали высшую нервную деятельность, и прежде всего деятельность мозга, как такое достижение природной эволюции, к которому она шла целенаправленно, чтобы люди могли разумно и совместно строить свою жизнедеятельность. Именно такое складывается впечатление, когда знакомишься с мировоззрением Алексея Алексеевича Ухтомского, бережно собранным в книге «Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Записи на полях». И вот что удивляет, он говорит о доминанте, и возникает само понятие доминанта как ключевой элемент физиологического механизма сознательной деятельности, но говорится об этом так и на таком жизненном материале, как если бы речь шла о повседневном опыте человеческих размышлений и действий, а совсем не о специальных лабораторных экспериментах. И там среди вопросов, в частности, на что я обратил внимание, у него фигурирует понятие «интуиция совести», которое составители книги вынесли в название.

Итак, интуиция совести. Что это такое, рассмотренное в контексте мировоззрения Ухтомского и его учения о доминанте? Сама формула может создать впечатление, будто совесть есть нечто, что познается на интуитивном уровне. Такое понимание было бы вполне нормальным, с ним, наверное, все бы согласились. На самом деле мысль Ухтомского иная, можно сказать, даже противоположная. Речь идет не просто об интуитивных физиологических процессах, в которых зашифрована совесть и через которые она может быть познана. Она, совесть, сама является важным элементом интуитивного мира человека. И совесть им рассматривается в ряду проявлений чувств. Такой взгляд укладывается в его общее представление о душевной жизни как большой внутренне расчлененной самостоятельной реальности, подчиненной собственным закономерностям. Это намного конкретнее и, я бы даже сказал, рациональнее устоявшихся представлений о совести как об особом внутреннем страже морали непонятного, чуть ли не божественного происхождения. Если я правильно понимаю саму идею Ухтомского об интуиции совести, то она состоит в том, что вместо того, чтобы искать

объясняющие (детерминирующие) физиологические основания совести, ее саму следует считать одним из самых прямых свидетельств человеческой природы, и в этом смысле она является психо-физиологическим фактом. Он совесть рассматривает в одном ряду с чувствами, которые не считаются экстраординарными, такими как наблюдательность и чуткость. Он включает совесть в такой ряд явлений, которые сами вполне поддаются рациональному осмыслению и подводят к ней, указывая на ее назначение и роль в душевном строе личности. Совесть входит в понятие доминанты. Она имеет критически важное значение для понимания того, что основной доминантой является доминанта на лицо Другого.

Ухтомский ищет физиологические основания совести и приходит к выводу, что она сама есть особый орган, выполняющий определенные функции и ориентирующий человека в мире. Это – прекрасный пример того, что он физиологию, телесную конструкцию человека рассматривает в прямой связи с его мировоззрением.

Совесть в его понимании оказывается очень важным механизмом, ориентирующим человека на будущее. Именно на будущее. Совесть связывает, выводит человека в будущее, и благодаря этому она подключается к процессу рационального познания. Удивительный ход мысли. Ведь научное познание есть опытное познание. Оно ориентировано на истину, базируется на доказанных выводах. Оно говорит о том, что есть и что было, что мы можем наблюдать и удерживать в своей памяти. Но она, наука, ничего не может нам сказать в серьезном (опытно удостоверимом и доказанном) смысле о будущем. Законы науки объективны, они, конечно, относительны, имеют строгие границы применения, но существуют вне времени или, лучше сказать, помимо времени; их объективность иная, чем у принципа причинности. Например, для закона тяготения нет прошлого, настоящего и будущего, он в нашей Вселенной всегда один и тот же. Шкала времени здесь не работает. И это особенность законов природы. А существование человека развернуто во времени, оно включено в стрелу времени. У него есть не только прошлое и настоящее, но еще и будущее. А что такое будущее? В строгом научном смысле будущее есть время, которое наступает после того момента, который мы обозначаем как настоящее. В отличие от прошлого, которое есть то время, которое прошло до (прежде) момента, которое мы считаем настоящим. Прошлое, зафиксированное субъектом в этом качестве, становится одновременно точкой отсчета будущего. Тем самым настоящее оказывается мигом, некой условной линией перехода от прошлого в будущее.

Существование человека, его жизнь является движением от прошлого к будущему. Человек как живое разумное существо (и как отдельный индивид, и как род) так устроен, что он помнит прошлое и проживает настоящее, но не знает будущего. Будущее как «время после» для человека, его памяти и научного познания закрыто. Мы можем его прогнозировать (предполагать) на основе исторического опыта и на крайне незначительную глубину, можем его конструировать на свой страх и риск, можем даже пытаться остановить или повернуть назад и т.д., но нельзя заглянуть в будущее, его увидеть, познать, онтологизировать. Будущее закрыто для нас, но в то же время мы развернуты в будущее, мы действуем, мы принимаем решения, у человека, как говорил Бахтин, нет алиби в бытии, или, как говорит Ухтомский, мы находимся в процессе, в дороге. А как и кто нас сопровождает в этом движении в неизвестное? Эту роль, как оказывается, согласно Ухтомскому, выполняет совесть. Совесть, с одной стороны, аккумулирует все те ресурсы, которыми обладает наше тело, и, с другой стороны, мобилизует все то, что было накоплено родом (в том числе благодаря науке) и закреплено в человеческой физиологии и психике. Она своим собственным, только ей свойственным способом ориентирует нас в отношении будущего, предостерегая от наиболее чуждых ему разрушительных действий, и в этом качестве входит в доминанту человеческой деятельности. Эта мысль в такой же мере смелая, в какой и неожиданная. И в целом, как кажется, очень точная.

Совесть в том виде, в каком она непосредственно фиксируется нами в душевном опыте и обнаруживается вовне, является реакцией на определенного рода совершенные

поступки, которые нами же самими оцениваются как нравственно недопустимые, без сомнения негативные. Она, по общепринятому фигуральному выражению, представляет собой нравственный суд человека и в этом качестве обращена в прошлое. Наиболее типичной формой ее является, например, раскаяние, суть которого состоит в признании индивидом собственной нравственной порчи, выразившейся в совершении им определенного конкретного поступка (действия, слова, жеста и т.п.), относительно которого он хотел бы, чтобы он никогда не был совершен. Хотел бы, но невозможно, поскольку речь идет о прошлом, и поэтому соответствующий дурной поступок оказывается несмываемым пятном на совести – этом нравственном зеркале души. Раскаяние ведь не заключается (не может заключаться!) в том, чтобы выкинуть соответствующий поступок из памяти, забыть его как дурной сон. Напротив, смысл раскаяния состоит в том, чтобы подвести соответствующий поступок в актуальном состоянии в качестве напоминания, постоянно возвращаться к нему, чтобы он никогда не мог затеряться в закоулках памяти. И если бы смысл данного акта совести состоял только в оценке прошлого, то он имел бы исключительно деструктивный, разрушающий характер и сам бы выступал в качестве деструктивной разрушающей силы, напоминая неразумные действия ребенка, который постоянно расчесывает свою рану. Но на самом деле смысл раскаяния состоит еще и в таком отношении к определенным поступкам прошлого, которое удерживает, блокирует их в этом прошлом, не дает им возможности перейти в будущее. Именно поэтому совесть, понятая и существующая как сознание нечистой совести, постоянная озабоченность несмываемыми пятнами на ней, является выражением ее связанности с будущим, способом очищения дороги к нему. Если бы она, совесть, не имела этого негативного (осуществляемого через отрицательную селекцию) очищающего выхода в будущее, тогда был бы непонятен эволюционный смысл самого существования этого «органа» в теле человека как живого разумного существа.

Этот пример показывает, насколько адекватной является та общая характеристика совести, которую наметил Алексей Алексеевич Ухтомский, и насколько важно исследовать этот феномен именно в контексте его учения о доминате. Самим понятием «интуиция совести», а в особенности его конкретным содержательным наполнением, он открывает исключительно плодотворную перспективу этического исследования. Можно только сожалеть, что наша этика прошла мимо этой перспективы, которую так искренне и проникновенно обосновывал Алексей Алексеевич, делал это в такой форме, в заметках, в записках, письмах частных, которые еще требуют целенаправленного обобщения. Хорошо, что мы дошли до этого, и спасибо тем, кто организовал этот «круглый стол», за саму эту идею спасибо.

Щедрина: Спасибо, Салам Керимович. Пожалуйста, вопросы.

Гачева: Вопрос к Вам, уважаемый Салам Керимович, как к крупнейшему специалисту по этике ненасилия. Лично мне очень близка эта традиция. Можно даже сказать, что русская религиозная философия представляет собой один из продуктивных изводов этики ненасилия, более того – ее представители ставят принцип ненасилия в сильную позицию, соединяя его с образом благой активности человека в истории. Если мы обратимся к дневниковым текстам и записям Ухтомского, в том числе к его записям революционной эпохи, когда громогласно звучало: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...», то увидим, что он призывает к совестной и в этом смысле активной позиции по отношению к торжествующему греху и в то же время отчетливо разделяет грех и носителя греха. По Ухтомскому, победа достигается лишь милосердием. Самый принцип доминанты на лицо Другого исключает всякие насильственные меры и способы разрешения конфликтов, как личностных, так и социальных. Может быть, Вам как крупнейшему специалисту по этике ненасилия, теоретику этого направления, окажется интересным и важным поразмышлять, скажем, об Ухтомском в ключе этики ненасилия? Это было бы очень ценно.

Гусейнов: Наверное, идею доминанты надо действительно посмотреть под этим углом зрения, тем более что, кажется, Лев Николаевич Толстой был одним из самых его близких собеседников, авторов.

Щедрина: Спасибо, Салам Керимович. Елена Юрьевна, пожалуйста.

Кнорре: Я хотела бы добавить к вопросу небольшой комментарий об отношении Ухтомского в эти сложные годы, революционные, к собранию народных депутатов. 15 июня 1920 г. Ухтомский произнес речь на собрании Петроградского Совета рабочих депутатов, где, говоря правду, что для него «нет ни эллина, ни иудея», что он не принадлежит ни к одной партии, «будучи противником всех этих человеческих подразделений» [Ухтомский 2008, 185], он говорит, что тем не менее будет работать в меру своих сил, чтобы «из нашего начинания было для общего нашего дела только добро» [Там же], он видит общий путь к церковной полноте всеединения, включая в это общее дело как собеседников, казалось бы, совершенно других под духом людей. Такая способность быть вместе с обществом, не будучи с ним солидарным в каких-то идеальных положениях, мне кажется, – удивительный пример его этики ненасилия, потому что он им не говорит – «не будьте такими, какие вы есть сейчас, вы не правы». Он открыто говорит, что думает про партийную жизнь, но при этом он не исключает депутатов из совместного дела «на ниве Божьей», как он потом напишет. То есть Ухтомский не исключает их из круга собеседников, при этом понимая, что какое-то мнение, принципиальное, у него с ними не совпадает, и говорит об этом открыто. Он приводил этот принцип в своих дневниках, как бы предпосылая лучший образ Другому, интерполируя лучшими чертами, как он говорит. То есть лучшими не в том смысле, что они будут такими же, как он, а в том, что они вместе, несмотря на то, что они разные, идут все равно к пониманию некоей полноты всеединения. Мне было бы интересно в этом ключе этику ненасилия как-то сфокусировать. И то, что Вы сказали о Толстом, это очень тоже важно, мне кажется. Спасибо большое.

Щедрина: Спасибо, Елена Юрьевна. Я думаю, что в данном случае важна и его позиция присутствия в мире других, поскольку он думает еще и о молодежи, и говорит, что должен находиться здесь и делать свое дело ради того, чтобы дело это продолжалось. Мы об этом как раз и говорили с Константином Владимировичем по поводу продолжения традиции естественно-научного говорения. Да и вообще, исследование как целенаправленное движение за Другим и к Другому – это именно образ жизни Алексея Алексеевича.

Гусейнов: Извините, только одно замечание. Важным мотивом Ухтомского как человека и мыслителя была связь с народом. Связь с народом он понимал не как нисхождение к народу, служение ему, жертвенность и т.п., а прямо и непосредственно как связь с простыми людьми, включенность в их духовную жизнь. С этой точки зрения является показательным следующий сюжет. Он говорит, что наука должна говорить на своем языке, имея в виду не только язык самой науки, но и национальный язык, на котором говорит народ. Наука в России, русская наука – это наука на русском языке. Это утверждение Ухтомского не отрицает и тем более не направлено против космополитического сверхнационального содержания самой науки, в особенности естествознания. Оно подчеркивает социально обновляющую роль науки. Если наука не будет пользоваться русским языком, понятным народу, то она не будет соответствовать своему назначению как науки, как служения истине. Такой взгляд был у него, насколько я понимаю, связан с его общим представлением, согласно которому разум, опосредованный нашим мозгом и человеческими действиями, присутствует в самом мире, в самой природе. Человеческий разум есть в то же время разум бытия, и сама наука как система научных знаний является обобщенным выражением внутренней закономерной упорядоченности самого мира. Мы тем самым открываем истину для того, чтобы жить в ней. Это на самом деле очень интересный ход мысли. И если, далее, философски углубляться в этом направлении, мы дойдем до того, что через научно организованную деятельность природа поднимается на уровень самосознания. Научная деятельность при таком подходе выступает как новый уровень природной эволюции. И тогда требование, чтобы наука развивалась на русском языке, уже выглядит не просто как гуманистический принцип и моральная норма, но и как более глубокое понимание самой роли науки, важный элемент научного мировоззрения. Оно (это требование)

прямо примыкает к его специфическим идеям (доминанта как ориентированность на лицо Другого, познание как стремление стать выше и лучше).

Щедрина: Спасибо, Салам Керимович.

Гачева: Здесь могут возникнуть и возникают продуктивные параллели и с Владимиром Ивановичем Вернадским, и с Пьером Тейяром де Шарденом: оба ученых подчеркивают целенаправленность процесса развития природного мира, указывают на то, что в нем действует фактор цефализации: поступательное, без откатов назад усовершенствование нервной системы живых существ, роста головного мозга, в результате чего на определенном этапе возникает человек – мыслящее, действующее, творящее существо. Жизнь начинает вмещать в себя Мысль, которая в свою очередь воздействует на живую материю, задает этический вектор развития, определяет перспективы движения в будущее.

Щедрина: Спасибо, Анастасия Георгиевна. Андрей Юрьевич, Вам слово.

Севальников: Прежде всего, я хотел бы выразить благодарность Татьяне Геннадьевне, что она меня пригласила на этот «круглый стол». Я хотел бы затронуть тему связи понятий доминанты и хронотопа, которая рассматривается А.А. Ухтомским в тезисах, набросках о понятии хронотопа, размещенных в его сборнике работ под общим названием «Доминанта». Акцент я сделаю на том, как эти понятия могут быть переосмыслены в рамках современной науки, в том числе гуманитарной. Хотелось бы отметить, что, скорее всего, в мире ничего случайного не бывает, а носит провиденциальный, я даже бы сказал, сакральный характер, который открывается нам много лет спустя. Более двадцати пяти лет тому назад мне в книжном магазине попала книга Ухтомского «Заслуженный собеседник», которая была издана «Рыбинским подворьем» еще в 1997 г. До этого времени я ничего не знал о нашем выдающемся физиологе и о его многочисленных работах. Конечно, поразили масштаб величины личности Алексея Алексеевича Ухтомского. Прежде всего, что это князь, представитель рода Рюриковичей, академик, который в своих работах совместил, казалось бы, несовместимое: точную науку и богословие. Кроме того – энциклопедичность его знаний: он прекрасно знал не только физиологию, но и современную ему химию, физику (особенно теорию относительности) и, естественно, математику (конкретно, неевклидову геометрию, которой он придавал особое значение).

Тогда я впервые и узнал о его понятиях доминанты и хронотопа, которые он тесно связывал. Я коснусь больше понятия хронотопа. Прежде всего сам Ухтомский, хотя и касается его в различных заметках и работах, но все-таки полностью не разворачивает объем этого понятия. Это наброски, проект, который до конца им не был развернут. Далее, с понятием хронотопа сопрягаются не только понятия времени и пространства, но и «предметность», взятая «в ее текучести». Далее он касается двух различных пониманий времени, а также возможности предвосхищения будущего. Особенно хочу отметить, что во многих положениях о хронотопе Алексей Алексеевич не только верно схватил и изложил ключевые понятия специальной теории относительности, но и предвосхитил открытия, касающиеся современной физики.

Во-первых, хронотоп это и есть понятие самой реальности, в которой мы искусственно разделяем, или отделяем друг от друга, понятия пространства и времени. На самом деле мы пребываем в едином пространственно-временном континууме, который и описывается в теории относительности Эйнштейна. Отмечу одну интересную вещь, которая вроде бы касается языка, но отражает сущностную сторону явлений. Когда мы используем русский язык, говоря о теории относительности, то мы всегда говорим сначала о пространстве и уж затем о времени. В слове-понятии «хронотоп», наоборот – сначала стоит понятие времени, а затем пространства. Первым идет «хронос», и только затем «топос», «место». В современной физике оказывается, что время является более фундаментальным, первичным понятием, нежели пространство. Впервые это было осознанно немецким физиком-теоретиком К.Ф. фон Вайцзеккером в середине 1950-х гг. На базе этого он предложил проект построения здания всей современной физики, над которым он работал более 30 лет. Этот проект в целом остался незаконченным, хотя Вайцзеккер получил ряд важных результатов. В частности, он

показал, что само пространство-время не является первичным, есть более глубокие структуры, существующие до пространства-времени и его конституирующие. Наш соотечественник Ю.С. Владимиров совершенно независимо от Вайцзеккера предложил и развил так называемую бинарную геометрофизику, целостную и гармоничную теорию единого современного физического знания, в которой получен целый ряд важнейших результатов. Так же, как и Вайцзеккер, Владимиров отталкивается от «предгеометрии», структуры, существующей до пространства и времени. Это структура, в которой можно выделить первичную пару элементов, совершающих переход из одного состояния в другое. Раз мы говорим о некотором переходе, то естественно говорить и о «времени». Только в отличие от Вайцзеккера Владимиров вводит, что более правильно, так называемое протовремя, некоторый прообраз времени, который предшествует нашему обычному физическому времени. Опуская детали, отмечу, что как у Вайцзеккера, так и у Владимирова пространство-время носит вторичный, реляционный характер, причем практически в самом начале развертывания теории получается структура пространства Минковского. В этом смысле мы действительно пребываем в хронотопе, в той структуре, где время является первичным.

Ухтомский пишет: «Наше знание о хронотопе всегда есть пробный проект предстоящей конкретной реальности по предваряющим признакам» [Ухтомский 2002, 71]. Реальность состоит из конкретных предметов, и сами предметы «всегда есть лишь предположение, проект реальности, пробная антиципация, риск» [Там же, 68]. Как следует далее из текста кратких тезисов, посвященных хронотопии, эти выводы касаются не только предметов, но и событий. Здесь я отметил бы следующие пункты, которые могут быть развиты, уже с упором на данные современной науки, и эти пункты не могут отрывать от понятия текучести и изменчивости вещей. Речь идет о «проекте реальности» и о «пробной антиципации». Мы живем в мире физическом. «Физическое» надо здесь брать не в узкой трактовке современной физики, а в том, как оно понималось Аристотелем. Наше слово «физика» происходит от др.-греч. «φύσις» – «природа». Это слово у греков происходит от глагола φύω, имеющего следующие значения: 1 – порождать, создавать, производить на свет; 2 – расти, вырастать, возникать, рождаться. Общим свойством всего природного является понятие «движение», понимаемое в самом широком философском смысле. Ухватить, понять это движение и является ключевой задачей естествознания.

Я могу с полным правом утверждать, что мы еще крайне далеки от такого понимания. «Крайняя трудность для мысли взять предмет в его текучести» [Там же, 69]. Это утверждение Ухтомского остается не только верным, но и весьма актуальным. В одной из последних работ о Вайцзеккере я ссылаюсь на современные эксперименты в области квантовой механики, которые ставят в тупик обыденное сознание [Севальников 2024]. Ухтомский говорит о предмете, который я расширил бы до «объекта» и «события», и он в его понимании является «проектом реальности», а раз мы говорим о проекте, то можно говорить и о «возможности», тогда предмет (объект, событие) может оказаться совершенно иным в конечном итоге. Так, в экспериментах с «квантовым ластиком» событие, однажды произошедшее, можно отменить! Причем отменить из будущего, что нарушает все наши устоявшиеся представления о причинности. Теоретически о возможности такого рода явлений стал говорить Вайцзеккер, а первый подтверждающий эксперимент был проведен в самом конце 1999 г., и после долгих лет проверки, после ряда заключительных экспериментов, проведенных в 2015 г., у квантовых физиков не осталось сомнений в подлинности существования такого рода событий. Этот пример я привел не случайно, в записных тетрадях, относящихся к 1920–1930-м гг. Ухтомский формулирует положения, аналогичные тем, которые активно обсуждались физиками и в 1960-е гг. в области теории относительности (проблема тахионов), и в настоящий момент уже в связи с вышеупомянутыми экспериментами.

Выводы, о которых говорит Ухтомский, сегодня остаются актуальными и широко обсуждаются физиками, философами, теологами.

Вернусь к тематике «двух времен» и «предвосхищения (антиципации) будущего». То, как я лично понимаю время и человека, позволяет мне эти две проблемы рассматривать в единстве. Ухтомский пишет: «Камень преткновения: “время психологии” и “время физики” (Леруа). Хронос и часы. Именно физиологии предстоит спаять их воедино. Человек – строитель знания и человек – участник истории – одно и то же существо. Наше знание о хронотопе всегда есть пробный проект предстоящей конкретной реальности по предвещающим признакам. Правда или ложь проекта решается конкретной проверкой» [Ухтомский 2002, 70]. Есть время физическое и наше время субъективное, психологическое. Являются ли они одним и тем же временем или нет? Ухтомский считает, как видно из цитаты, что «именно физиологии предстоит спаять их воедино». Это тот пункт, в котором я категорически не соглашусь с академиком. Здесь он выступает не как религиозный мыслитель и богослов, хотя таковым и является, но больше как типичный представитель науки, считающий, что все ее проблемы могут быть разрешены внутри нее. Я же думаю иначе. Это как раз та проблема, которая радикально выходит за рамки науки и больше касается теологии.

Доминанта – это то, что определяет и направляет поведение живого существа, как говорит Ухтомский, некая векториальность, векториальность нашего поведения, которое опять же связано с философским понятием движения. В моем понимании доминанта, соответственно, как некий организующий и направляющий принцип, связан тесно с нашим трансцендентным, духовным началом. Спасибо за внимание!

Щедрина: Спасибо, Андрей Юрьевич. Пожалуйста, вопросы.

Плотникова: Я хотела бы сказать, что, когда мы рассуждаем о личности Алексея Алексеевича, все время больше задаем вопросов, чем находим ответов, и это, наверное, как раз тот момент, который важен для нас, когда мы в дискуссии. Алексей Алексеевич посещал в детстве православный храм свт. Тихона Задонского, потом он выбирает единоверие, в начале века станет старостой Никольского единоверческого храма (ныне музей Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге), и в это же время занимается наукой. Вот насколько он для себя соотносит веру и науку? Как Фома, пытавшийся примирить «веру и знание»... Это вопросы дискуссионные и сразу на них не ответить.

Щедрина: Еще вопросы? Тогда, Елена Юрьевна, вам слово.

Кнорре: Большое спасибо за приглашение на «круглый стол». Я очень рада, что в этом году и у нас, в Институте мировой литературы, тоже будет конференция совместно с музеем в Рыбинске, посвященная Алексею Алексеевичу Ухтомскому. Я коснусь эпистолярного и – шире – эго-документального наследия Ухтомского и, скажем так, соединения принципа доминанты и жанра дневника. Философией «другого» в трудах Ухтомского я начала заниматься в 2008 г. в связи с кругом философов-китежан [Кнорре 2019, 181–198], о которых говорил в своих статьях В. Хализев (см., например: [Хализев 1998]). И мне важно прочертить те духовно-родственные связи, которые видел Ухтомский в Пришвине. Надо сказать, что и Ухтомский, и Пришвин были так или иначе связаны в 1920-е гг. с кругом Александра Мейера, куда входили и Михаил Бахтин, и Георгий Федотов. Это круг, в котором тема лица Другого, вообще тема «лица местности», различения лиц имела принципиальную философскую доминанту. Здесь важно сказать о способности «“раз-личать” в подлунном мире», которая, по Пришвину, «есть главная основа “искусства видеть мир”» [Пришвин 1986, 201]. Для Ухтомского это принцип доминанты на лицо Другого среди других доминант.

Есть доминанты, проектирующие, открывающие мир, а есть доминанты, которые закрывают мир. Как говорит Ухтомский: «...мы все одно, как ни застилаемся друг от друга условными скорлупами, которые с годами становятся застарелыми и прочными» [Ухтомский 2008, 338]. Доминанта на свое лицо может отгораживать человека от мира других людей, ограничивать его зрение и восприятие всей полноты мира. Она словно «экран» застилает для человека «реального собеседника», закрывая от нас Божий мир – «правду, которой живет действительность» [Там же, 174]. Ухтомский различает понятия двойника и собеседника.

Обращаясь к образу Сократа, Ухтомский пишет о путях выхода к возможности слышать «всех», о «прозрачности» в восприятии друг друга, что, по его мнению, помогает человеку победить чувство безысходности жизни, обрести вновь ценность бытия с другими. И его вхождение в общество Советской России, как я говорила в своем комментарии чуть раньше, это стремление к общности с народом. К этому же, надо полагать, стремились и космисты (Горский, Муравьев, Сетницкий), и Пришвин, который говорил: «Личная задача: освободиться от злости на сегодняшний день» [Пришвин 1994, 107], то есть «выйти из себя», сквозь скорлупу своего «я» к «Другому». «Вместе со всеми» – этот выход как бы к некой полноте общей жизни [Ухтомский 2008, 200]. Именно этот опыт ориентации на «Другого» позволяет и Ухтомскому, и Пришвину, и многим другим писателям-мыслителям увидеть себя как часть целого – общего пути человечества к возрастанию нового всечеловеческого единства.

Предпосылая народу его будущей, возможный идеальный облик, проектируя его (этот принцип проективной философии Ухтомского очень важен), Ухтомский следует принципу не осуждать собеседника, «интерполировать и проектировать его лучшими чертами», «допускать возможность лучшего и большего, чем он кажется сейчас» [Там же, 191, 192]. То есть не придумывать его другим, а как бы применять такое понятие, как «избыток видения», которое есть у Бахтина, когда он пишет об авторе и герое в эстетической деятельности. «Избыток видения» позволяет этому Другому стать тоже Другим в некоем процессе восстановления, в некоей заданности, допуская «возможность лучшего и большего, чем он кажется сейчас». Этот принцип веры в человека, по Ухтомскому, и есть «прогрессивная, ширящаяся, взаимно спасающая жизнь» [Там же, 192]. Выход к Другому «открывает возможность общего человеческого дела на ниве Божьей» [Там же]. Об «общем деле» сегодня говорили. Трактовка индивидуальной человеческой жизни как движения к «сверхличной народно-церковной полноте сознания, грядущему всеединению человечества» [Там же, 188] объединяет Ухтомского с кругом Мейера, с их понятиями личностного, живого мира, Града Вышнего.

В заключение приведу несколько высказываний Ухтомского и Пришвина, которые тоже очень важны как некая реализация философских доминант, включенность их в повседневное поведение. Сам Пришвин пишет в дневниках: «Почему отвлеченное свято, и там трагедия человека, а повседневное отдается комедии? Если на большой улице я так погрузился в себя, что лица смешались, и я не узнал возле себя близкого человека, то это, конечно, мой грех» [Пришвин 2003, 180]. Он пишет о неразличимости, об обобщении: «И всякое учение грешно в том, что оно, приучив нас думать “вообще”, создает из нас и людей, рассчитанных на “вообще”, значит, жестоких, гордых, себялюбивых» [Там же]. И тот же принцип различения в другом его высказывании: «Нет, никогда в лесу не бывает пусто, и если кажется пусто – это ты сам виноват» [Пришвин 2010, 632]. То есть видение лиц внутри природы – это наш выход из себя. По Пришвину, человек может уйти далеко в себя, «засмыслиться», уйти в прошлое или проецировать что-то в будущем, но не видеть настоящего. Нужно выйти из себя в настоящее, – говорит Пришвин. Принцип «выхода в настоящее» связан с принципом ведения дневника, как это понимает Ухтомский и как он воспринимает в этом принципе самого Пришвина: «В самое последнее время я познакомился с неожиданным единомышленником “из писателей”, именно профессиональных писателей, то есть таких, которые хотят заглушить тоску по живому собеседнику процессом писания для дальнего. Это М. Пришвин. В некоторых местах он поражает меня совпадением с моими самыми затаенными мыслями. “Я очень верю теперь, – пишет он, что мои робкие шаги в журналистике, воспринятые цельным человеком с большим талантом и волей, могут превратиться в великое дело исследования жизни, недоступной самым подвижным романистам и новеллистам. Мне представляется на этом пути возможность доработаться до такой формы, которая останавливает мгновение пролетающей жизни и превращает его в маленькую поэму...”» [Ухтомский 2005, 146]. То есть в романе Пришвин видит жанр, который не требует непосредственного контакта

с другим человеком. Дневник для него, как и для Ухтомского, – это выход к Другому, к общению.

Щедрина: Елена Юрьевна, Спасибо большое. Вопросы, пожалуйста. А с кем еще из круга «китежан» общался Ухтомский? Есть еще свидетельства?

Кнорре: Вы знаете, здесь больше переписка, наверное, с ученицей Ухтомского, Еленой Исааковной Бронштейн-Шур, письмо к ней я сейчас цитировала. То, что они виделись с Пришвиным, об этом неизвестно. Это все необходимо еще, конечно, исследовать. Известно пока, что Пришвин ходил на лекции Александра Мейера, в его дневнике есть свидетельство. Блок тоже посещал лекции Мейера. Можно сказать, это общий круг. Что касается общения Пришвина и Бахтина – об их отношениях тоже пока не нашла свидетельств, хотя тема Другого, так или иначе, звучит у них.

Щедрина: Спасибо, Елена Юрьевна. Еще вопросы, пожалуйста. Если нет вопросов, то я хочу сказать, что здесь присутствует у нас Людмила Владимировна Соколова, известный исследователь Ухтомского.

Соколова: Дорогие коллеги! Сегодня становится очевидным, что полноценное развитие науки о человеке, во всей интегральной совокупности ее составляющих, начиная от биологии и кончая высшими формами социальных взаимодействий и духовной жизни человека и общества, возможно лишь при условии формирования методологии междисциплинарных связей, выработки перспективных контактов как между биологическими и общественными дисциплинами, так и внутри всей системы естественно-научных знаний, их общее и непосредственное участие в развитии концепции человека. Отсюда и несомненная важность выработки единой методологической платформы, которая позволит исследователям различных направлений выйти на качественно иной уровень рассмотрения проблемы природы человека.

Тот факт, что дискуссия вокруг научной и религиозно-философской концепции А.А. Ухтомского о единой биосоциальной природе человека как одного из вариантов построения подобной методологической платформы развернута именно в рамках проведения «круглого стола» в журнале «Вопросы философии», можно считать знаковым явлением. Именно философия испокон веков осмысливала все, что было сделано учеными той или иной эпохи в плане исследования природы человека, намечая векторы для дальнейших изысканий.

Нельзя не признать, что долгие годы наука о человеке не могла выйти из противостояния – человек как биологическое существо и человек как существо социальное, – разность эти позиции по разные стороны процесса познания. Традиционно закрепленное разделение естественно-научного и гуманитарного знаний, вкуче с углубляющейся дифференциацией наук (вполне объяснимой с точки зрения общего развития научных знаний), привело к отсутствию понимания его как существа целостного. Но, как говорил А.А. Ухтомский, не из частного складывается целое, а из целого выкристаллизовывается частное. Элиминируя целостного человека из науки, мы неминуемо будем деформировать и ее структуру, лишая целое отведенной ему природой гармонии. И это, как мне кажется, мы должны учитывать, когда подходим к рассмотрению возможности приложения идей Ухтомского к той или иной области знаний. Да, это, конечно же, важно. Но когда мы начинаем механически разделять в наследии Ухтомского его «этическое учение», «психологические» и «физиологические» аспекты его учения о доминанте и пр., когда мы переносим то, что было сделано им в плане разработки сугубо экспериментальных моделей изучения доминантных явлений на животных в область трактовки поведения человека как принципиально духовного организма, мы оказываемся в позиции человека, пусть и непреднамеренно, но искажающего удивительную полноту, стройность и диалектическую связанность созданной им концепции. Между тем его идейное наследие отнюдь не ограничивается лишь принципом доминанты – это его ядро, связующее разные уровни существования человека в этом мире, с присущими каждому уровню законами реализации этого принципа.

Но, употребляя слово «доминанта» (к месту или нет), мы порой и не стремимся хотя бы для себя понять тот глубокий смысл, который исходит из этого научного

посыла Ухтомского. Возьмем, к примеру, его понятие об «интегральном образе» как продукте доминанты. Ведь Ухтомский выстраивает целую иерархию его поуровневых преобразований – от «интегралов среды» и «интегралов опыта» как системообразующих факторов целенаправленного поведения человека к осознанному образу-идее, идеалу, общественно-значимым идеалам-целям как важнейшим детерминантам социального поведения человека. Тем самым и культура предстает для Ухтомского не как статичное образование, а как динамически развивающееся целое, в основе которого лежит квинтэссенция человеческих идеалов реальной деятельности людей, ведомых этими идеалами. Более того, в интегральном образе как живом, динамическом образовании виртуально совмещаются прошлое, настоящее и будущее, образуя единый пространственно-временной континуум (хронотоп) жизнедеятельности человека. В итоге, с точки зрения Ухтомского, по ходу деятельности человека и человечества формируется биосоциокультурное пространство (в чем-то перекликающееся с понятием ноосферы В.И. Вернадского), в рамках которого человек в процессе индивидуального развития постигает и *хронотопы среды*, то есть постоянно строит пространственно-временные образы реальности в соответствии с текущими доминантами, и *хронотопы истории*, позволяющие ему использовать весь накопленный человечеством опыт, что неизмеримо повышает его адаптивные ресурсы.

Но для этого каждый из нас (а современный исследователь в первую очередь) должен обладать *историческим мышлением*, которое в полной мере характеризовало Ухтомского как ученого-мыслителя. Отсюда не удивительным кажется и тот факт, что потрясающая глубина исторического мышления Ухтомского позволила ему стать подлинным летописцем русской науки. Его блестящие очерки по истории становления физиологии как науки, развития университетской физиологической научной школы, статьи, посвященные выдающимся русским и зарубежным ученым, не только были для него данью привязанности к историческим изысканиям, но и воспринимались им как своеобразный долг перед будущими поколениями, имеющий целью оставить свое видение нелегкой истории исканий научной мысли, показать ее глубокую идейную преемственность.

В этой попытке связать все направления в единое поле науки ярко прослеживается исповедуемый Ухтомским «талисман коллективно-содружественной работы». Он резко выступал против главного врага всякого единения – индивидуализма, который в научном сообществе проявляется в желании отдельных ученых сказать «свое» слово, заявить «свою» теорию при полном игнорировании вклада других в общее дело. Неустанно ратуя за закрепление и консолидацию научной традиции как основу жизнеспособности научных школ, Ухтомский вместе с тем настоятельно подчеркивал необходимость творческих контактов между представителями разных научных направлений, умел видеть порой скрытые от обычных глаз исследователя связи между различными областями естественно-научного и гуманитарного знания и мог оценить перспективы развития их взаимоотношений для общего прогресса науки о человеке.

Устроительный талант Ухтомского проявился, в частности, в организации им в 1934 г. Физиологического научно-исследовательского института, задуманного им как база для широкого развертывания научных исследований и школа «экспериментального мастерства» для студенчества. Ухтомский многое сделал и на ниве сплочения и консолидации научных сил страны.

В августе 1935 г. в Ленинграде и Москве проходили заседания XV Международного физиологического конгресса – первого крупнейшего научного форума, который проводился в нашей стране после революционных событий. В своем докладе Ухтомский раскрыл основные достижения и современное состояние уникальных разработок университетской физиологической школы. И, верный своей главной установке, в конце доклада Ухтомский обратился к ученым всего мира с призывом консолидировать свои силы не только в науке, но и на международном поприще. Примечательно, что еще до начала конгресса Ухтомским было подготовлено несколько обзорных статей, посвященных развитию в нашей стране различных направлений в области физиологии

в послереволюционный период. По окончании же конгресса именно Ухтомскому доверили написание отдельной книги, в которой он подвел итоги работы конгресса, увязав достижения отечественных научных школ с общим контекстом движения мировой научной мысли.

В эти же годы он пишет и другую статью – «Большой вопрос» (при его жизни она так и не была опубликована). Посылом для ее написания для Ухтомского стали высказывания некоторых ученых о том, что залогом получения известности является необходимость публикации самых важных своих наработок в иностранных журналах. (Как тут не вспомнить пресловутый индекс Хириша, который сегодня стал «мерилом» значимости ученого!) К слову сказать, сам Алексей Алексеевич никогда не публиковался за рубежом, за исключением лишь одной (!) статьи 1903 г., написанной им еще во времена студенчества, да и то по настоянию Введенского. Это при том, что он прекрасно владел несколькими иностранными языками. Наука для него – интернациональна по сути своей, но это не должно огульно распространяться на ее язык, на навязывание какого-либо из них в качестве единственно приемлемого для передачи смысла и его понимания. Он писал, что в науке, более, чем в каком-либо деле, русский человек продолжает чувствовать себя «преимущественно подражателем западного европейца». Он справедливо полагал, что неуверенность в своем, недостаточное уважение к своему, заискивающе-услужливое отношение к ученому Западу могут лишь подкреплять у иностранных ученых чувство снисходительного превосходства по отношению к русской науке вообще.

Для Ухтомского как истинного патриота публиковать научные труды надо прежде всего на родном языке, а лишь во вторую очередь – для иностранных читателей. А для этого русской науке надо встать в более независимое, суверенное положение по отношению к Западу. Ухтомский жил надеждой, что придет время, когда печатаемое на русском языке будет интересно, важно и необходимо для западной науки настолько, что каждый из иностранцев возьмет на себя труд научиться читать на родном для нас языке.

Позволю себе остановиться еще на одном важном для меня моменте. Ярko звучащая «доминанта интеграции» Ухтомского, о которой я уже упоминала, попытка замкнуть разные уровни существования человека в мире в единый диалектический круг их обсуждения отличали не только многие его научные работы, это в полной мере претворялось в его лекциях. Еще в 1920-е гг., искренне поверив в призыв к «обновлению» университетского образования, Ухтомский предложил ввести в программу обучения общеобразовательный (пропедевтический) курс «Введение в физиологию», который был бы ориентирован на студентов различных факультетов и отражал главную идею – о необходимости интеграции гуманитарных и естественно-научных знаний в общем процессе познания природы и человека. В центре его внимания – человек во всей сложности начал, определяющих его природу, начиная от биологических предпосылок поведения и психики человека и заканчивая социокультурными детерминантами его жизнедеятельности.

От проблем чисто физиологических Ухтомский переходил к обсуждению все более высоких уровней организации взаимоотношений организма и среды, касаясь при этом проблем психофизиологии восприятия, внимания, эмоций, памяти, рассматривая вопросы прогнозирующей деятельности мозга. Итоговым же аккордом курса была поставлена проблема человеческой личности, в которой раскрывались естественные корни духовной и социальной жизни человека, а «доминанта на лицо Другого» мыслилась как основа нравственного поведения человека, как его высшая, биологически оправданная («естественная») потребность, определяющая и прогноз развития общества. Но в те годы ему так и не удалось воплотить свою мечту в жизнь: его «мировоззренческий» курс был отклонен руководством университета как вредный, уводящий студентов от решения конкретных, практических задач. Согласитесь, что сегодня этот интегральный посыл Ухтомского как нельзя более актуален и вписывается в назревшую потребность внедрения *смысло-ориентированного образования*, которое подразумевает

выработку нового взгляда на человека! И я, много лет общающаяся со студенческой аудиторией, не могу не видеть, что молодежь, при всей приписываемой ей «клиповости» мышления, испытывает явную потребность в подобного рода интегральных курсах. Конечно же, следуя Ухтомскому, это трудное дело – «воспитать и поставить на ноги мысль»!

Щедрина: Спасибо, Людмила Владимировна, очень актуально! А я предоставляю слово директору Мемориального дома-музея академика А.А. Ухтомского Екатерине Игоревне Плотниковой.

Плотникова: 2025 г. – это юбилейный год, 150 лет со дня рождения А.А. Ухтомского, это и большая социальная ответственность для каждого из нас в той деятельности, которую мы ведем. Это и возможность расширить сферы и направления работы музея, уникальная возможность увидеть междисциплинарные связи, точки роста в изучении наследия мыслителя.

Музей создали 20 сентября 1990 г. Идея об увековечивании памяти об ученом появилась еще в конце 1940-х гг. Ученый жил, воспитывался его тетужкой княжной Анной Николаевной Ухтомской в таком патриархальном, очень скромном месте Зачеремужного района города Рыбинска. Вещи и предметы, хранящиеся в музее, помогают нам раскрыть атмосферу детства и отрочества будущего ученого. И, конечно же, вещи, документы, предоставленные нам СПбГУ. Благодарим Александра Сергеевича Батуева и Людмилу Владимировну Соколову, благодаря усилиям которых был создан Зал науки, научная экспозиция музея. В 1980-е гг. нам были переданы 846 книг из личной библиотеки Алексея Алексеевича. Активным участником в деле создания полноценного дома-музея был его ученик Федор Петрович Некрылов. Его фонд передала нам Людмила Владимировна Соколова (в большинстве своем это материалы из архива Академии наук).

Я хочу акцентировать внимание на проблемах, которые сегодня стоят перед нашим музеем. Прежде всего это неопубликованные пометы в книгах (особо выделю том «Добротолубие», изучением которого активно занимается Елена Алексеевна Федорова). Но этого недостаточно. Сложность состоит в том, что А.А. Ухтомский, желая быть «заслуженным собеседником», беседовал с авторами книги, например, на том языке, на котором написана книга. Если книга на английском языке – пометы на английском, книга на немецком – пометы на немецком и т.д.

Кроме того – неопубликованные материалы из архива Академии наук г. Санкт-Петербурга, например картон, где представлены 2000 рисунков, живописных работ Алексея Алексеевича. Возможно ли их представить, например, на юбилейной выставке в музее-заповеднике? Нет, это дорого для нас. Ну и самый главный момент, на который я хотела бы обратить внимание. У нас есть уникальный краевед, друг Алексея Алексеевича, Алексей Алексеевич Золотарев, который уже в 1949 г. в завещании написал, что дом-музей мемориальный должен стать «островком доминанты», «уголком Ухтомского» для ученых, исследователей всего СССР. С этого времени шла большая методологическая и научная работа вместе с Всесоюзным физиологическим обществом имени Павлова, где была создана специальная комиссия по разработке и сохранению наследия Ухтомского. И, конечно, в 1990-е гг. считалось, что в музее должны быть представлены все научные исследования и потомков, и учеников академика. Мы стараемся решать эту задачу, но, к сожалению, с 2000-х гг. нам не поступают книги и научные монографии. И здесь, конечно, нам нужна помощь всего научного сообщества.

В это году у музея тоже юбилей – 35 лет со дня создания. Я думаю, что это как раз повод соединить все творческие и научные силы для того, чтобы сконцентрироваться и продвинуть исследование и издание трудов, воспоминаний Алексея Алексеевича. Надеюсь, в юбилейный год мы станем заслуженными собеседниками этого ученого и философа и сможем создать дискуссионные площадки для обсуждения проблемных вопросов.

Федорова: Сердечно благодарю Татьяну Геннадьевну за возможность включиться в такой интересный и содержательный разговор. Я хочу дополнить выступление

Екатерины Игоревны уточнениями источниковедческого характера. Если обратиться к книгам, которые читал Ухтомский по философии (его библиотека хранится в Санкт-Петербургском университете и в Рыбинском музее-заповеднике), то его интересовали труды Платона, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, В. Розанова, В. Соловьева, Н. Бердяева и др. С немецкими философами он и спорил, и находил у них ценные мысли. Так, из книги «Афоризмы и максимы» Шопенгауэра ученый выписывает в дневник 1896–1897 гг. размышления о лице как иероглифе, разгадывая который мы одновременно раскрываем свое лицо. В дневнике 1897 г. Ухтомский противопоставляет Шопенгауэра и Владимира Соловьева: для немецкого философа эгоизм – это проявление естественного в человеке, для русского мыслителя – это противоестественное состояние. Ухтомский соглашается с Соловьевым в том, что естественна любовь матери к ребенку, единение с миром. В этом он видит близость взглядов русского философа святоотеческому наследию: естественное – это состояние человека в раю и «по искуплению». На полях статьи Б.В. Яковенко, опубликованной в сборнике «Новые идеи в философии» [Яковенко 1914], которая хранится в Рыбинском музее, Ухтомский размышляет о возможности познания истины и предлагает следующую классификацию: «1) истины технологического интереса – приспособляемые к тому, чего мы хотим; 2) истины наличия, которым мы следуем всегда, даже и тогда, когда сопротивляемся им, – формальные истины» (см. запись Ухтомского [Там же, 98–99]). Ухтомский пишет о том, что для него является источником «наличных фактов»: «“Природа” – органически условное, отвлеченное объединение существующего (условное воплощение идеи)» [Там же, 97].

Особенно мне понравилась мысль Татьяны Геннадьевны, что «русская философия – это философия общения». Познание мира и другого человека, по мнению Ухтомского, может произойти только в диалоге, путем отсечения своей горды воли, сохранения баланса, равновесия между воспринимающим и воспринимаемым.

В прошлом году в Санкт-Петербурге вышла наша коллективная монография «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А.А. Ухтомского и Д.И. Чижевского» (в основе – работа над проектом РФ № 23-28-01302). Первый раздел этой книги включает документы Ухтомского, которые в основном хранятся в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН. На последних страницах чернового варианта диссертации Ухтомского «Космологические доказательства бытия Божия» сохранилась его поздняя запись. Ссылаясь на работу Андре Жида о Достоевском, он соглашается с тем, что только смирением, сохранением сложности художнику удается постичь универсальные законы бытия, которые он формулирует так: «закон доминанты, закон заслуженного собеседника (возмездия), закон милосердия (любви)» [Ухтомский 1997, 557–558; Ухтомский 2015, 101]. В записной книжке 1924 г. Ухтомский пишет об интуиции как «мудрости досознательного», убегающей мысли в ее естественном состоянии. В записной книжке Ухтомский определяет метод собеседования, который он находит у М.М. Пришвина и героя Достоевского, старца Зосимы, как «одновременное растворение всего своего и сосредоточение всего на другом». В письме коллеге М.В. Кирзону Ухтомский утверждает, что истина не поддается монологическому выражению, что собеседование – это умение понять и принять чужую мысль о предмете как свою и вместе с тем передать другому свою мысль, как если бы она была не твоя «собственность», а чужая.

Безусловно, интеллектуальный архив Ухтомского нуждается в исследовании, которое предполагает комплексный подход к тексту. Это могло бы объединить специалистов разных областей. Возможно, тогда бы удалось достичь целостности знания о нем как личности. Мы приглашаем всех желающих принять участие в научной конференции, посвященной 150-летию А.А. Ухтомского, которая состоится в Ярославле 25–27 сентября 2025 г.

Плотникова: Я лишний раз убеждаюсь, что неопубликованные пометы на полях книг Алексея Алексеевича, находящиеся у нас в Рыбинском музее-заповеднике, имеют шанс попасть к исследователям. Я считаю, что их нужно и важно публиковать именно вместе с комментариями. И это очень большая работа. У меня большая просьба ко всем

участникам «круглого стола»: приезжайте к нам в Рыбинск! Там мы сможем познакомиться вас с фондами музея, фондом редкой книги, где есть книги с пометами Алексея Алексеевича. Я надеюсь, что они войдут в круг ваших исследований.

Щедрина: Спасибо большое, Екатерина Игоревна. Я хотела тоже несколько слов сказать об актуальности идей Алексея Алексеевича и потом подвести итоги нашего разговора. Я познакомилась с его трудами 25 лет назад благодаря моему научному консультанту по докторской диссертации Виталию Львовичу Махлину и нашему с Борисом Исаевичем близкому другу и единомышленнику Владимиру Петровичу Зинченко. Они, каждый по своему, открывали для меня этого мыслителя. (И я с восхищением читала изданные исследователями его архива книги и включила многие его «слова-понятия» в свой философский тезаурус.)

Для меня (и, конечно же, для нас с Борисом Исаевичем) главное – это целостность природы Ухтомского. Его можно назвать (как и Павла Александровича Флоренского) «русским Леонардо», титаном русского Возрождения, «он заслуживает такого... славного культурного имени» [Даренский 2019, 48]. И хотя сегодня очень многие считают, что 1920-е гг. – это время «слома гуманитарной парадигмы», разрыва с отечественной философской традицией, я думаю, что это период интеллектуального «Возрождения» в русской культуре, рассеявшейся в тот момент по всему миру. И, несмотря на цепь трагических событий, последовавших за русской революцией 1917 г., мы должны признать, что именно этот период (1920-е и начало 1930-х) характеризуется мощным подъемом науки, гуманитарных исследований и творчества. Наследие Ухтомского подтверждает эту мысль в полной мере.

А «Возрождение» – это всегда поворот к истории, к своим корням, к осмыслению своих истоков. Правда, в нашем случае философы не просто рефлексивно осмысливали прошлое для создания образов «своего» будущего. Они пытались понять, почему русская интеллектуальная культура не смогла сдержать «русский бунт». Надо сказать, что историзм это специфическая характеристика русского эпистемологического стиля. Ухтомский, как сегодня уже заметили и Татьяна Владимировна, и Людмила Владимировна, историчен и как ученый, и как философ. Он свое дело понимает как исторически преемственное. И его мышление, действительно, имеет планетарный характер, если вспомнить Владимира Ивановича Вернадского, который рассматривает историю мысли как особый (человекообразный, говоря языком современной философии науки) предмет, познать который можно только в общении друг с другом, в *слове* выражая полученные знания и передавая их от поколения к поколению. Значение истории науки в том и состоит, что она показывает мир в объеме, а не на плоскости.

Салам Керимович говорил сегодня о том, что развитие человека как личности и человечества сопрягаются, что восхождение человека к естественной человечности движется так же, как это в истории происходит с человечеством, благодаря интуиции совести (если говорить на языке Алексея Алексеевича Ухтомского). Слово-понятие «Интуиция совести» также исторично, это органический элемент планетарного мышления Ухтомского. Интуиция совести – это особый способ схватывания истины, включающий в себя «все унаследованные впечатления от жизни рода и предупреждающий особыми волнениями и эмоциями высшего порядка о том, что сейчас делается перед нами» [Ухтомский 1996, 458]. Такое понимание историчности герменевтично по своей сути. И как интересно было бы сравнить «экогерменевтику» Пришвина, феноменологическую герменевтику Шпета и «экзистенциальную герменевтику» Ухтомского [Щедрина, Щедрина 2024; Даренский 2019].

Наследие Алексея Алексеевича актуально еще и потому, что он очень чутко вслушивался в русский язык науки и создал оригинальные «слова-понятия», которые за последние 25 лет вошли в концептуальный тезаурус отечественной гуманитарной науки: Заслуженный собеседник, Двойник, Доминанта на лицо Другого, Интуиция совести и многие другие. Все они содержат «избыток истолкования» (по аналогии с «избытком видения»), то есть органично расширяют и обогащают русский гуманитарный язык, открывая исследователям возможности для новых интерпретаций.

Герменевтический принцип познания природы и человека раскрывается и в физиологической, и в религиозной, и в научной сферах деятельности Ухтомского. Понимание, направленность мысли (сознания) не на аналитический разбор «механизмов», а на понимание целого сквозь одно (умение сквозь одно видеть все для Ухтомского было очень важным). Наш «круглый стол» мы хотели провести как междисциплинарное «собеседование», услышать и философов, и историков философии, и историков литературы, и филологов, и физиологов, и физиков, и философов науки, и психологов. Когда мы осуществляем междисциплинарный синтез, мы вносим вклад в развитие русской философии, науки и духовности. Спасибо, коллеги.

Севальников: Особое слово благодарности хочется сказать организаторам: Татьяне Геннадьевне и Борису Исаевичу. Я с большим интересом слушал коллег, это значительно обогащает нас.

Гачева: Настоящее воскрешающее дело, я бы сказала. Мы, гуманитарии, постоянно занимаемся этим воскрешением в культуре и духе. Преодолеваем время, погружаемся в прошедшие эпохи, становясь воображаемыми современниками, собеседниками, совопросниками ее деятелей, представляя и их современниками ныне живущих. «И мертвые с живыми вступили в круг един», – как писал Константин Батюшков в программном стихотворении «Мои пенаты». Огромное спасибо, дорогие Татьяна Геннадьевна и Борис Исаевич, за Ваш воскресительный труд. В Вас живет любовь к русской философии и огромное чувство ответственности перед ней, стремление не упустить ни одного человека, достойного разговора о нем. Вы воскрешаете не только фигуры первого ряда, которые на слуху, которым посвящают конференции, которым посвящают статьи и книги, но и тех, кто был талантливым тружеником на ниве мысли и слова, но до сих пор недооценен или оценен недостаточно. Так было с Н.Н. Страховым, так теперь с А.А. Ухтомским.

Щедрина: Мне очень приятно, что именно этим «круглым столом» мы фактически открываем юбилейный год Алексея Алексеевича Ухтомского. Спасибо всем, кто сегодня смог присоединиться к нам и рассказать о своих впечатлениях. Разговор получился еще и потому, что у каждого из нас есть свой внутренний фундамент, и свои собеседники. И когда мы через себя пропускаем еще и идеи Алексея Алексеевича, мы фактически обогащаем и его своими собеседниками, мы обогащаем сферу его актуальности. Я надеюсь, что наш «круглый стол» привлечет интересных людей в науку и в философию. Спасибо всем!

Примечания

¹ Диссертация Ухтомского опубликована несколько раз по рукописному черновому оригиналу (указан только номер фонда [Ухтомский 1997, 552; Ухтомский 2015, 64]), хотя надо отметить, что чистовой вариант, хранящийся в ОР РГБ в фонде МДА (172-422-12), отличается от черногового. Так, в последнем параграфе (§ 3) черногового варианта в качестве «реальных научных задач» называются «физиология, психология и история религиозного опыта», а в чистовом варианте «физиология» отсутствует.

² Следует отметить высокую архивно-историческую культуру этих исследователей (они фиксируют путь, которым движутся в архиве).

³ Цитату из этого отзыва приводит в примечаниях к публикации Л.В. Соколова [Ухтомский 1997, 553].

Источнику – Primary Sources and Translations

Бахтин 1997 – Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1997 (Bakhtin, Mikhail M., *The Problem of the Text*, in Russian).

Бахтин 2000 – Бахтин М.М. Автор и герой. К эстетическим основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000 (Bakhtin, Mikhail M., *Author and Hero: Towards the Aesthetic Foundations of the Humanities*, in Russian).

Бахтин 2002 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари, 2002 (Bakhtin, Mikhail M., *Problems of Dostoevsky's Poetics*, in Russian).

Берг 1922 – *Берг Л.С.* Наука. Ее смысл, содержание и классификация. Петроград: Время, 1922 (Berg, Lev S., *Science: Its Meaning, Content and Classification*, in Russian).

Бердяев 1931 – *Бердяев Н.А.* О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: YMCA-PRESS, 1931 (Berdyayev, Nikolai A., *On the Destiny of Man: An Essay in Paradoxical Ethics*, in Russian).

Бетти 2011 – *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011 (Betti, Emilio, *Hermeneutik als allgemeine Methodik der Geisteswissenschaften*, Russian Translation).

Достоевский 1975 – *Достоевский Ф.М.* Подросток // *Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. В 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975 (Dostoevsky, Fyodor M., *The Adolescent*, in Russian).

Зинченко 1999 web – *Зинченко В.П.* Проблема внешнего и внутреннего и становление образа себя и мира // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Рига; Москва, 1999. URL: https://old.experiment.lv/rus/biblio/pervie_4tenija/p4_zin4enko1.htm (Zinchenko, Vladimir P., *The problem of “external” and “internal” and the formation of the image of oneself and the world*, in Russian).

Зинченко 2011 – *Зинченко В.П.* Алексей Алексеевич Ухтомский и психология // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 231–271 (Zinchenko, Vladimir P., *Alexey Alekseevich Ukhtomsky and Psychology*, in Russian).

Зинченко 2016 – *Зинченко В.П.* Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем») // *Зинченко В.П.* Философское наследие / Сост. Т.Г. Щедрина. М.; СПб.: ЦГИ «Принт», 2016 (Zinchenko, Vladimir P., *Psychological Theory of Activity (“Recollections of the Future”)*, 2016, in Russian).

Золотарев 2016 – *Золотарев А.А.* Campo santo моей памяти: Мемуары. Художественная проза. Стихотворения. Публицистика. Философские произведения. Высказывания современников / Сост. В.Е. Хализев; отв. ред. Д.С. Московская. СПб.: Росток, 2016 (Zolotaryov, Alexey A., *Campo Santo of My Memory: Memoirs, Fiction, Poems, Journalism, Philosophical Works, Statements of Contemporaries*, in Russian).

Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, Культура, 1992 (Mamardashvili, Merab K., *How I Understand Philosophy*, in Russian).

Мамардашвили 2002 – *Мамардашвили М.К.* Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002 (Mamardashvili, Merab K., *Kantian Variations*, in Russian).

Мерло-Понти 1999 – *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, Л.С. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999 (Merleau-Ponty, Maurice, *Phénoménologie de la Perception*, Russian Translation).

Михайлов 2001 – *Михайлов А.В.* Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. С. 201–223 (Mikhailov, Alexander V., *Several Theses on the Theory of Literature*, in Russian).

Пришвин 1986 – *Пришвин М.М.* Дневники 1905–1954 года // *Пришвин М.М.* Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986 (Prishvin, Mikhail M., *Diaries 1905–1954*, in Russian).

Пришвин 1994 – *Пришвин М.М.* Дневники. 1918–1919 гг. М.: Московский Рабочий, 1994 (Prishvin, Mikhail M., *Diaries. 1918–1919*, in Russian).

Пришвин 1995 – *Пришвин М.М.* Дневники. Книга третья. Дневники 1920–1922 гг. М.: Московский Рабочий, 1995 (Prishvin, Mikhail M., *Diaries. Book three. Diaries 1920–1922*, in Russian).

Пришвин 1999 – *Пришвин М.М.* Дневники. 1923–1925. СПб.: Росток, 1999 (Prishvin, Mikhail M., *Diaries. 1923–1925*, in Russian).

Пришвин 2003 – *Пришвин М.М.* Дневники. 1926–1927. М.: Русская книга, 2003 (Prishvin, Mikhail M., *Diaries. 1926–1927*, in Russian).

Пришвин 2010 – *Пришвин М.М.* Дневники. 1936–1937. СПб.: Росток, 2010 (Prishvin, Mikhail M., *Diaries. 1936–1937*, in Russian).

Ухтомский 1912 – *Ухтомский А.А.* О церковном пении: Доклад кн. А. Ухтомского. СПб.: Синод. тип., 1912 (Ukhtomsky, Alexey A., *On Church Singing: Report by Prince A. Ukhtomsky*, in Russian).

Ухтомский 1935 – *Ухтомский А.А.* На Пятнадцатом Международном конгрессе физиологов // Природа. 1935. № 10. С. 124 (Ukhtomsky, Alexey A., *At the Fifteenth International Congress of Physiologists*, in Russian).

Ухтомский 1942 – *Ухтомский А.А.* Система рефлексов в восходящем ряду // Труды научной сессии, посвященной памяти академика И.П. Павлова. 27–28 сентября 1942. Л.: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1942. С. 5–8 (Ukhtomsky, Alexey A., *Reflex system in the ascending row*, in Russian).

Ухтомский 1996 – *Ухтомский А.А.* Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С. 210 (Ukhtomsky, Alexey A., *Intuition of Conscience: Letters, Notebooks, Marginal Notes*, in Russian).

Ухтомский 1997 – Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997 (Ukhtomsky, Alexey A., *The Distinguished Conversationalist: Ethics, Religion, Science*, in Russian).

Ухтомский 2002 – Ухтомский А.А. Доминанта: Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002 (Ukhtomsky, Alexey A., *Dominant: Articles of Various Years. 1887–1939*, in Russian).

Ухтомский 2005 – Ухтомский А.А. Из письма к Е.И. Бронштейн-Шур // Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. Война. Наш дом. СПб.: Росток, 2005. С. 144–148 (Ukhtomsky, Alexey A., *From a Letter to E.I. Bronstein-Shur*, in Russian).

Ухтомский 2008 – Ухтомский А.А. Лицо другого человека: Из дневников и переписки / Сост. И.С. Кузьмичев. СПб.: Иван Лимбах, 2008 (Ukhtomsky, Alexey A., *The Face of Another Person: From Diaries and Correspondence*, in Russian).

Ухтомский 2015 – Ухтомский А.А. Статьи и выступления разных лет. Заметки на полях. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2015 (Ukhtomsky, Alexey A., *Articles and Speeches of Various Years. Marginal Notes*, in Russian).

Франк 1922 – Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. М., 1922 (Frank, Semen L., *Essay on the Methodology of the Social Sciences*, in Russian).

Хоружий 2005 – Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005 (Khoruzhiy, Sergey S., *Features of synergic anthropology*, in Russian).

Хоружий, Генисаретский ред. 2009 – Феномен человека в его эволюции и динамике: Труды Открытого научного семинара / Отв. ред. С.С. Хоружий, О.И. Генисаретский. М.: ИФ РАН, 2009 (Khoruzhiy, Sergey S., ed., *The phenomenon of the human being in his evolution and dynamics: The works of the Open Scientific Seminar*, in Russian).

Яковенко 1914 – Яковенко Б.В. Философская система Жозиа Ройса // Новые идеи в философии. Вып. 17. СПб.: Образование, 1914. С. 81–135 (Jakovenko, Boris V., *Josiah Royce's Philosophical System*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Александрова-Чукова 2021 – Александрова-Чукова Л.К. «Единение цвета науки и церкви», или До и после «академического дела» 1929–1931 гг. (по материалам дневников митрополита Григория (Чукова)) // Анциферовский сборник – II: сборник статей / Отв. ред. Д.С. Московская. М.: Директ-Медиа, 2021.

Даренский 2019 – Даренский В.Ю. Философия А.А. Ухтомского как экзистенциальная герменевтика // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2 (6). С. 46–58.

Кнорре 2019 – Кнорре Е.Ю. Сюжет пути в Невидимый град в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2019.

Филиппова, Тодес 2023 – Филиппова Э., Тодес Д. Молитва как парадигма: Алексей Ухтомский, доминанта и психофизиология спасения // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15. № 1. С. 7–60.

Хализев 1998 – Хализев В.Е. Нравственная философия А.А. Ухтомского // Новый мир. 1998. № 2. С. 222–230.

Щедрина, Щедрина 2024 – Щедрина Т.Г., Щедрина И.О. «Неодетая весна»: экологическая герменевтика Пришвина (опыт методологического прочтения) // Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / Ред.-сост. Е.Ю. Кнорре, А.Г. Гачева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 482–497.

References

Aleksandrova-Chukova, Lidia K. (2019) “The Unity of Scientists and the Church”, or On the Times before the Petrograd Process of 1922 and after the “Academics’ Case” of 1929–1931 (Based on materials from the diaries of Metropolitan Gregory (Chukov))’, *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, Vol. 4 (28), pp. 324–396 (in Russian).

Darensky, Vitaliy Ju. (2019) “A.A. Ukhtomsky’s philosophy as existential hermeneutics”, *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, No. 2 (6), pp. 46–58 (in Russian).

Filippova, Eleonora, Todes, Daniel (2023) “Prayer as Paradigm: Aleksei Ukhtomsky, the Dominanta, and the Psycho-Physiology of Salvation”, *Studies in the History of Biology*, Vol. 15, No. 1, pp. 70–60 (in Russian).

Khalysiev, Valentin E. (1998) “A.A. Ukhtomsky’s Moral Philosophy”, *Novyj mir*, Vol. 2, pp. 222–230 (in Russian).

Knorre, Elena Yu. (2019) *The Plot of the "Way to the Invisible City" in the Work of M.M. Prishvin 1900–1930s*, CSc diss., IMLI RAN, Moscow (in Russian).

Shchedrina, Tatiana G., Shchedrina, Irina O. (2023) *"Undressed spring: Prishvin's Ecological Hermeneutics (Experience of Methodological Reading)"*, Knorre, Elena Yu., ed., *Michael Prishvin's Literary Heritage: the Context of National and World Culture*, Moscow, IWL RAS Publ., pp. 482–497 (in Russian).

Сведения об авторах

ПРУЖИНИН Борис Исаевич –

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии».

АНОХИН Константин Владимирович –

доктор медицинских наук, академик РАН, директор Института перспективных исследований мозга.

ГАЧЕВА Анастасия Георгиевна –

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Московской высшей школы социальных и экономических наук, главный библиотекарь Библиотеки № 180 им. Н.Ф. Федорова.

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович –

доктор философских наук, профессор, действительный член РАН, ВРИО директора Института философии РАН.

КНОРРЕ Елена Юрьевна –

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, доцент, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

КОРОЛЬ Андрей Дмитриевич –

доктор педагогических наук, профессор, иностранный член РАО, ректор Белорусского государственного университета.

МОСКОВСКАЯ Дарья Сергеевна –

доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук.

ПЛОТНИКОВА Екатерина Игоревна –

кандидат исторических наук, заведующая отделом «Мемориального дома-музея академика А.А. Ухтомского» Рыбинского музея-заповедника, доцент РГАТУ им. П.А. Соловьева.

Authors' Information

PRUZHININ Boris I. –

DSc in Philosophy, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the "Voprosy filosofii".

ANOKHIN Konstantin V. –

DSc in Medical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences; head of the Institute for Advanced Brain Research.

GACHEVA Anastasia G. –

DSc in Philology, Leading Researcher of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Chief Librarian, at the Fedorov's Library No. 180.

GUSEYNOV Abdusalam A. –

DSc in Philosophy, professor, Full member of Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

KNORRE Elena Yu. –

CSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Orthodox St. Tikhon University for the Humanities.

KOROL Andrei D. –

DSc in Pedagogical Sciences, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Education, Rector of the Belarusian State University.

MOSKOVSKAYA Daria S. –

DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

PLOTNIKOVA Ekaterina I. –

CSc in History, Head of the Department of the Memorial House-Museum of Academician A.A. Ukhtomsky of the Rybinsk Museum-Reserve, Associate Professor of the P.A. Solovyov Rybinsk State Aviation Technical University.

РЫБАС Александр Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

RYBAS Aleksandr E. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Saint Petersburg State University.

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

SEVAL'NIKOV Andrey Yu. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

СОКОЛОВА Людмила Владимировна – доктор биологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

SOKOLOVA Lyudmila V. – DSc in Biology, Professor, Saint Petersburg State University.

ТОЛЧЕННИКОВА Вера Владимировна – кандидат биологических наук, директор НИИ развития мозга и высших достижений РУДН.

TOLCHENNIKOVA Vera V. – CSc in Biology, director of Research Institute for Brain Development and Peak Performance, RUDN University.

ФЕДОРОВА Елена Алексеевна – доктор филологических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

FEDOROVA Elena A. – DSc in Philology, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University.

ФЕДОРОВ Максим Львович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

FEDOROV Maxim L. – CSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences.

ЧЕРНИГОВСКАЯ Татьяна Владимировна – доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, директор Института когнитивных исследований, Санкт-Петербургского государственного университета, академик Российской академии образования.

CHERNIGOVSKAYA Tatiana V. – DSc in Biology and DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Convergence Problems of Natural and Human Sciences, Director of the Institute of Cognitive Studies at Saint Petersburg State University, Academician of the Russian Academy of Education.

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Факультет гуманитарных наук, Школа философии и культурологии, НИУ ВШЭ.

SHCHEDRINA Irina O. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Senior Research Fellow, International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Faculty of Humanities, School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University.

ЩЕДРИНА Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

SHCHEDRINA Tatiana G. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.